

Эфти

Паладин В розовом

Эфти

Паладин в розовом

«Автор»

2026

Эфти

Паладин в розовом / Эфти — «Автор», 2026

Меня зовут Эф. Я — паладин Радуги. И я несу в этот обезумевший мир радость, веселье и немного спасительного разрушения. Не смотрите на моё розовое платье и длинные синие волосы — за ними скрывается двуручный меч, способный прорубить любую тьму. В то время как все опустили руки, я иду вперёд широкими шагами. Моя цель — Лабиринт Истины, где я стану сильнейшей. Ведь радуга не спрашивает разрешения — она просто сияет.

© Эфти, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гостиница Горя	5
Глава 2. Пещера	9
Глава 3. Храм Нефтис	13
Глава 4. Нефтис	16
Глава 5. Ди, паладин лазурного неба	20
Глава 6. Карликовый лес	25
Глава 7. Водопад фей	28
Глава 8. Мертвый лес	31
Глава 9. Би, паладин Зари	33
Глава 10. Талиесин	37
Глава 11. Ликантроп	42
Глава 12. Серая пустошь	45
Глава 13. Ворота	48
Глава 14. Ман-Тор	51
Глава 15. Арена Минотавров	53
Глава 16. Гарпия	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Эфти

Паладин в розовом

Глава 1. Гостиница Горя

Солнце уже стояло высоко, когда красный песок под ногами стал уступать булыжной дорожке. Впереди стояла ветхая двухэтажная гостиница, а по бокам — кактусовый сад.

Большая деревянная вывеска с выжженными буквами качалась на ветру. Название мне решительно не понравилось.

«Гостиница Горя».

Ну зачем? Зачем горевать, когда вокруг столько поводов для радости?

Я вздохнула, откинув прядь своих синих волос в сторону.

Потом толкнула старую кривую дверь.

Дверь протяжно скрипнула. Я вошла внутрь. Кривой деревянный пол был покрыт пятнами, происхождение которых лучше не выяснять. Пахло старым деревом, дешёвым табаком и перегаром.

Бабах! Я опустила «Светлячка» на пол. Обоюдоострый клинок глухо ударился о доски. Меч звякнул, но я не обратила внимания. Улыбка уже сияла во весь рот, щёки горели, глаза блестели.

— Меня зовут Эф, — сказала я громко и чётко. — Я паладин радуги! Я избавлю вас от горя и несчастий. Я пришла бороться со злом! Какое зло вас угнетает?

За стойкой сидела грузная женщина в застиранном сером платье, которое, скорее всего, когда-то было белоснежно-белым. Очень грузная — такая, что стул под ней, наверное, молился по ночам. Рыжие засаленные кудри частично были спрятаны под грязную бандану в цветочек.

Она резала старые рубашки на тряпки. Стилетом. Длинным, тонким, с костяной ручкой — стилет с лёгкостью разрезал ткань на полоски. Полоски падали на пол и скручивались, как мёртвые змеи.

Женщина подняла взгляд. Большие синяки под глазами заблестели.

Стилет замер в руке.

— Чего? — спросила она хриплым низким голосом, обнажая жёлтые кривые зубы.

Я на секунду задумалась. Может, она не расслышала? А может, слово «паладин» здесь давно не звучало, и уши просто отвыкли.

Ладно.

Я переступила с ноги на ногу. Моё розовое платье зашуршало. Потом я улыбнулась ещё шире.

— Я Эф, — повторила я медленнее. — Паладин радуги. Есть злодеи в округе?

Женщина моргнула несколько раз.

Стилет глубоко воткнулся в столешницу. Тряпка беспомощно повисла на лезвии.

— Ты... это... — она облизала губы. — Ты серьёзно, что ли?

— Абсолютно, — я кивнула. — И даже чуточку больше.

Она посмотрела куда-то в угол, будто искала злодеев. Потом снова на меня.

— Злодеи, говоришь...

Я ждала. И пока я ждала ответа, не могла не отметить прекрасный стиль внутреннего убранства гостиницы.

В ней было прекрасно всё.

И грязные шторы на окнах — когда-то они были бордовыми. И запах из угла, который вежливые люди называют «свежестью подвала».

И тощий сухой мужчина, который прошаркал мимо меня. Он пах застарелым потом. Одет он был в то, что когда-то было рубашкой, а теперь стало коллекцией дырок, соединённых нитками.

Я кивнула ему, но он не ответил. Мужчина прошёл мимо и скрылся за дверью с табличкой «Только для своих». Что означает эта надпись в гостинице, где все чужие, я решила не думать.

Знаете, в битве со злом каждый из нас вносит свою лепту как может.

Несмотря на то, что армия тьмы победила, люди всё ещё не сломлены.

Люди продолжают жить. Продолжают бороться. Это меня вдохновляет.

Каждый раз, когда я вижу это, внутри меня будто кто-то зажигает ещё один маленький огонёк в моей личной радуге. И я чувствую — я могу больше. Могу идти дальше. Могу нести свет туда, где его давно не видели.

— Эй, — голос хозяйки вырвал меня из размышлений. — Ты чего застыла? Сказать хотела или так и будешь стол разглядывать?

Я моргнула.

Улыбка вернулась на место — она никуда и не уходила, просто притаилась на секунду.

— Сказать, — кивнула я. — Конечно, сказать.

Женщина тяжело вздохнула, так, что стул под ней жалобно скрипнул.

— Злодеев, говоришь, ищешь...

Она вытащила стилет из столешницы. Провела пальцем по лезвию.

— Ты как раз вовремя, — усмехнулась хозяйка гостиницы.

Дверь за моей спиной заскрипела и открылась.

На пороге гостиницы появились двое.

У них были человеческие тела — жилистые и сухие, обтянутые смуглой кожей. А головы — змеиные. Чешуйчатые, с вертикальными зрачками и раздвоенными языками, которые то и дело выскальзывали наружу, пробуя воздух.

Людоящеры — воители из пустыни.

Они были одеты в длинные бесформенные балахоны. Тёмно-серые одежды на груди пере-тянуты кожаными ремнями с медными пряжками. На поясах висели кривые мечи.

Я слышала о них. Кочевники, которые передвигаются по пустыне небольшими группами, торгуют солью и сухофруктами, а в свободное время режут друг другу хвосты за оскорбления. Наверное, местные кочевники зашли передохнуть в тени гостиницы и выпить чего-нибудь освежающего.

Неужели это те самые злодеи, про которых говорила хозяйка?

Один из них шагнул вперед. Зелёная чешуя на его морде переливалась. Он повернул голову к стойке. Шея изогнулась так, что человек бы точно свернул позвонки.

— Где дань? — спросил он шипящим голосом.

Женщина за стойкой вздрогнула. Вся её грузность куда-то сжалась. Она втянула голову в плечи и указала на меня пальцем. Хрипящий голос, полный страха и ужаса — такого искреннего, что я даже зауважала.

— Вот эту берите!

Простите, что? Какая же я дань? Я — Эф. Хозяйка решила меня отдать этим двум нома-дам на съедение?

Я улыбнулась и подумала: «Интересное развитие событий».

Второй людоящер шагнул ко мне. Пол слегка скрипнул под его босыми ступнями с жёсткими когтями.

Я в то же мгновение сделала шаг от него, волоча «Светлячка» по полу. Лезвие заскреже-тало по дереву. Он сделал ещё один шаг. Я отступила ещё на один — в сторону лестницы на второй этаж, к номерам, и выставила меч вперёд. «Светлячок» угрожающе блеснул.

— Объяснитесь, уважаемый! — начала было я.

— Ты пахнешь не как дань, — сказал он.

— Я пахну как радуга, — ответила я. — Это дорогой аромат, с нотками розы и справедливости.

Первый людоящер, тот что повыше, переглянулся со вторым. Языки выскользнули, пощекотали воздух.

— Дань должна быть тихой, — прошипел он.

— Это я от радости, — я улыбнулась. — Вас увидела.

Женщина за стойкой тихонько сползла под стол.

— Так что, — я перехватила «Светлячка» поудобнее. — Мы будем драться или поговорим как цивилизованные существа?

Тишина. Только муха билась о грязное окно с отчаянием обречённого оптимиста.

Первый людоящер медленно положил руку на рукоять кривого меча. Он явно не хотел общаться. Второй вытащил свой клинок и кинулся в атаку. Тот тоже не хотел общаться.

Очень жаль!

Потому что я люблю поговорить. Особенно перед дракой. Это отвлекает противника и даёт мне время придумать, куда бить.

Но эти двое, видимо, не читали пособий по вежливому нападению.

Второй летел на меня быстро. Быстрее, чем я ожидала. Рубящий удар кривого меча блеснул слева. Я отскочила.

— Невежливо, — сказала я, отступая к лестнице. — Нападать без представления. Как вас хотя бы зовут?

Ответом было шипение. И второй удар — снизу вверх, целясь мне в живот.

Я подпрыгнула. Платье взметнулось розовым облаком. Меч противника прошёл в сантиметре.

— Дань не должна уклоняться, — прошипел первый. Он всё ещё стоял у двери, глазщёлочки следили за каждым моим движением.

— А я не дань, — ответила я, приземляясь на вторую ступеньку. — Я — Эф. Запомните это имя. Оно пригодится вам для жалоб.

Второй людоящер разозлился. Это было видно по тому, как его хвост — да, у него оказался хвост, я только сейчас заметила — дёрнулся и хлестнул по косяку.

Он замахнулся для третьего удара. Я приготовилась блокировать. «Светлячок» занял позицию у моего плеча — лезвие вертикально, рукоять на уровне пояса. Ноги — на ширине плеч. Дыхание — ровное. Улыбка — на месте.

В этом мире всё происходит тройками.

Три — магическое число. Пусть некоторые говорят, что это суеверия и выдумки. Но я-то знаю. Три — самое магическое число, какое только может быть. Три — моё любимое число.

Мой двуручный меч взвыл, рассекая воздух, — а вместе с ним и кривой меч противника, уходя дальше по дуге, разрубая кочевника пополам. Один удар — и мы имеем две половины кочевника вместо одного целого. Ну, пусть и не две ровные половины, но цели разделить кочевника на две равные половины и не было.

Тело беспомощно повалилось на пол. Я опустила клинок на нижнюю часть туловища поверженного противника.

— Диалог! — улыбаясь, сказала я, пытаюсь остановить дальнейшее кровопролитие. — Давай поговорим как целый ящер с паладином!

Первый людоящер замер. Его рука так и лежала на рукояти меча — не вытащила, но и не убрала. Верный знак того, что он хочет поговорить.

— Для кого вы собираете дань? — вытирая меч об ткань мёртвого кочевника, поинтересовалась я.

— Нефтис, — злобно прошипел людоящер, не сводя с меня своих змеиных глаз. — Ты не знаешь, с кем связалась.

Нефтис?

Похоже, это кто-то плохой. Зло, которое держит округу в ужасе. Собирает свою дань ради еды или жутких кровавых обрядов. Встретиться бы мне с этим Нефтисом. Поговорить. А вдруг этот Нефтис — не такой уж и плохой? Просто запутался. Затерялся во тьме. Ищет путь к свету, но не знает, как попросить помощи.

— И кто же этот Нефтис такой? — улыбаясь, подошла я к кочевнику на расстояние удара.

Он дёрнулся, но меч не вытащил. Молодец! Учится!

— Это богиня песков, — с ужасом прошипел людоящер. — Владычица этих земель.

Так это женщина. Ещё лучше! Я умею находить общий язык со всеми. А особенно с женщинами. Потому что женщины понимают женщин.

Я подняла «Светлячка» и перекинула его через плечо. Меч довольно звякнул.

— Так что насчёт Нефтис? Где её найти?

Глава 2. Пещера

Мы вышли из гостиницы и направились напрямиком в пустыню.

Людоящер угрюмо вёл меня через песчаные барханы, сквозь пылевую бурю. Его балахон развевался на ветру, а хвост оставлял за ним длинный извилистый след — будто ползла змея, только с ногами и с плохим настроением.

Я с улыбкой рассматривала безжизненную пустыню.

Она была такой большой. И такой безжизненной.

Песок. Небо. Песок. Ещё песок. Бесконечная жёлтая тоска, которую кто-то забыл разбавить зелёным.

Мы всё дальше удалялись от границы красного песка. Теперь весь обзор застилал скучный жёлтый песок.

Монотонный. Однообразный. Жёлтый песок.

Буря усиливалась.

Песок бил по лицу. Он забивался в волосы и в складки розового платья. Я чихнула. Если не найти укрытие, то нас просто засыплет песком с головой.

Солнце опускалось за далёкий бархан.

Похоже, кочевник уже совсем выбился из сил. Он шёл, шатаясь; его плечи поникли, язык вывалился из пасти и безвольно болтался. Бедняга.

Мы нашли какую-то небольшую пещеру. Она как каменная пасть выпирала из песочного плена. Внутри было темно и прохладно. Пахло сыростью и чем-то древним — быть может, старыми секретами.

— Отдохни немного, — нежным голосом прошептала я и ударила его ребром ладони по затылку.

Людоящер обмяк.

Я подхватила его тело и бережно прислонила к каменной стене пещеры. Голову поправила, чтобы не затекала шея. Хвост аккуратно выпрямила.

Пусть спит.

Всё дело в том, что я очень доверчивая.

Нет, правда. Я могу поверить кому угодно. Даже змееголовому кочевнику, который полчаса назад хотел меня убить. С моим проводником надо держать ухо востро. Стоит мне отвлечься на прекрасные виды, что прячет от меня пещера, как мой людоящер сбежит.

А что мне потом делать? Как найти логово Нефтис?

Вот я и подумала. Лучший способ отдохнуть уставшему путнику — его оглушить.

Пусть его не мучают угрызения совести или шальные мысли. Эф позаботится об этом. Радуга всегда поможет!

Я села напротив входа, положив «Светлячка» на колени. Платье расправила, чтобы не мялось. В пещере было тихо. Только ветер выл снаружи, засыпая вход песком.

— Сладких снов, — шепнула я людоящеру. — Завтра у нас большой день. Познакомимся с твоей богиней. Может быть, даже подружимся.

Он не ответил. Он спал. А я осталась ждать утра.

Ждать до утра очень скучно, и я стала всматриваться в каменные узоры пещерных стен.

Вот тут камень похож на коняшку, а вот тут — на большой водопад. Как у фей. Такой сказочный, только без воды. А вот эта часть пещеры напоминает уродливое лицо с выпученными глазами и кривым ртом.

Или мне показалось?

Нет.

Мне не показалось — это действительно было лицо.

Я начала всматриваться и изучать эту причуду природы. Казалось, лицо смотрит на меня. Не просто так висит на стене, а наблюдает за мной. Оценивает. Причём с неодобрением.

— Ну ты и уродина, — сказала я лицу.

Вежливость, конечно, хороша, но честность — лучше.

Лицо зашевелилось.

Оно обрело объём — сначала чуть-чуть, будто просыпаясь, потом резко, как если бы кто-то надул мыльный пузырь. Каменные черты поплыли, исказились, и я поняла.

Это было не лицо, а целое существо.

Оно выглядело как расправленный плащ с пастью посередине. Тёмный, почти чёрный, с неровными краями. Без рук, без ног, только складки и этот жуткий рот, полный мелких острых зубов.

— Ну спасибо, — сказала существо скрипучим голосом с нотками обиды. — Что ещё можно ожидать от человека.

Существо говорило! Это было замечательно!

Я улыбнулась во весь рот — так, что щёки заболели. Кажется, это его смутило. Потому что плащ слегка съёжился, а пасть прикрылась, будто он пытался спрятаться сам от себя.

— Ты чего? — неуверенно спросило существо.

— Ты же плащевик? Да? Плащевик?

Я была очень рада плащевика! Никогда их вживую не видела.

— Да, я плащевик, — с ноткой обиды произнесло существо. — Меня-то ты заметила. А не должна была. Все навыки скрытности насмарку.

— Здорово! А меня зовут Эф! — радостно произнесла я. — Я паладин радуги!

— Очень рад за тебя, — грустно ответил плащевик. — Вот и что мне теперь делать?

— А что ты делал?

Я не унималась! Такая удача — встретить в пещере такое редкое существо. Пустыня явно любит сюрпризы.

— Ждал жертву! — буркнул плащевик.

— Дождался?

— Дождался, но меня раскрыли! — грустно ответил плащевик. Его пасть скривилась ещё больше, зубы клацнули. — Меня-то ты увидела. А незримого сталкера — нет!

— Того чудика в углу пещеры? — я указала в пустой угол пещеры.

Там действительно было пусто. На первый взгляд, но на самом деле там затаилось другое редкое существо. И оно надеялось, что я его не замечу.

— Да ну чтоб тебя, — из угла кто-то чертыхнулся.

Это был он. Незримый сталкер.

Фигура, сотканная из воздуха, вышла из угла и встала возле плащевика.

Я смотрела на двух обитателей этой пещеры, чьей гостьей я была, и широко улыбалась.

Где же мои манеры?

Я встала, отряхнула платье от песка — бесполезное занятие, но приятное, — и сделала реверанс. Ножку в сторону, ручку к сердцу, голову наклонить. Я умею не только махать мечом, но и знаю этикет.

— Я — Эф! Паладин радуги, младшая из Терцета, — представилась я.

Тишина.

Плащевик и сталкер переглянулись. Насколько можно переглянуться, когда у одного вместо глаз — дырки в ткани, а у другого — два углубления на прозрачном лице.

— Тебя не смущает, что она нас понимает? — не обращая на меня внимания, спросил плащевика незримый сталкер.

— Ты посмотри на неё — она очень странная, — ответил плащевик, косясь в мою сторону. Его пасть скривилась в подобии задумчивости. — Слишком розовая для пустыни.

— Я слышу вас, — вставила я вежливо.

— Вот! — плащевик взмахнул краем. — Это ненормально. Обычные люди не видят меня и не слышат. Я подкрадываюсь, когда они проходят мимо, и они попадают мне прямо в пасть. А она

— Паладин радуги, — напомнила я.

— ...она реверансы делает! — не унимался плащевик.

Я ждала.

Это так здорово — быть предметом чьих-то разговоров. Обычно я сама всё говорю и говорю, а другие слушают. А тут наоборот. Они обсуждают меня так, будто я — загадочный артефакт, который не вписывается в их классификацию «жертвы».

Но я не обижалась.

Потому что знала секрет.

Я обладаю истинным зрением и истинным слухом. Я могу говорить на любом языке — и меня будут понимать. Я понимаю смысл слов сказанных на неизвестных мне языках. Такова природа нашего Терцета.

Я поправила платье легко и непринуждённо и вклинилась в эту беседу, как цветок розы между булыжниками мостовой.

— Погода сегодня не очень, не находите?

Два существа посмотрели на меня озадаченно.

— Погода? — переспросил плащевик.

— Песчаная буря, — пояснила я. — Ветер этот. Да и песок забивается во все щели. У меня платье страдает. А вы как? Не продувает?

— Я плащ, — сказал плащевик.

— Я воздушный, — сказал сталкер.

— И как? — не унималась я. — Удобно?

Они снова переглянулись.

— Дамочка, вам этот людоящер нужен? — поинтересовался плащевик. — Можно я его съем?

Ну как и положено по этикету — от погоды мы перешли к делу.

От расставания с этим угрюмым кочевником я вряд ли пророню слезу. Честно говоря, он не вызывал у меня тёплых чувств, но он был важен мне как проводник.

Я же иду к Нефтис.

— Он мой проводник, — категорично заявила я. — Не могу отдать.

— А он весь нужен? — не унимался плащевик. Его пасть предвкушающе клацнула. — Может, хотя бы хвостом поделится?

— Проводник куда? — поинтересовался сталкер.

Он чуть проявился из воздуха — видимо, любопытство пересилило скрытность.

— Я иду к Нефтис! — ответила я гордо. — Богине песков горя или что-то в этом роде.

Существа переглянулись.

— Помянем, — одновременно сказали они.

Потом плащевик неестественно вывернулся и пристально посмотрел на меня. Вблизи он казался иссиня-розовым и с прожилками. Я даже залюбовалась. Красивый!

— Сегодня хороший день, чтобы умереть, — произнёс он медленно, с нажимом. — Но я бы предложил не встречаться с Нефтис, будь ты трижды безумная и странная особа.

— Да, — подтвердил сталкер. — Нефтис не просто так богиня песков горя. Само Зло. Не то что мы.

— Я всё равно пойду! — с улыбкой ответила я. — Наша встреча предначертана судьбой!

— Ну, тогда мы ящера всё-таки съедим, — радостно оскалившись, ответил плащевик.

— Это почему же? — я удивилась.

Честно, я думала, мы так хорошо поладили. А они сразу — есть.

— Да потому что за этой пещерой как раз находится её храм, — спокойно объяснил незримый сталкер. — Проводник уже не нужен.

Храм.

Неужели так близко?

— А ты, воздушный, — я посмотрела на сталкера, — ты тоже есть его будешь?

— Не, у нас симбиоз с плащевиком, — пояснил сталкер. — Он ест, а я собираю черепа.

— И зачем тебе черепа?

Сталкер выпрямился, а потом отчеканил, по слогам, с такой гордостью, будто объявлял о победе в великой войне:

— Больше черепов для трона черепов!

Дело действительно достойное.

Ребята работают как слаженная команда! Один кормится, другой коллекционирует. У каждого своя роль, своя цель. Никто не спорит, не выясняет, кто главный. Просто делают своё дело — и радуются жизни.

Стоит позавидовать их целям и тому, как они их добиваются.

Я была рада, что встретила их!

— Ну иди, — нетерпеливо подгонял меня плащевик. — Буря уже утихла.

Глава 3. Храм Нефтис

Вход в величественный храм Нефтис был окружён ореолом древнего зла.

Непроглядная темнота. Всепоглощающая.

Честно говоря, я ожидала чего-то более гостеприимного. Ну, знаете, ковровая дорожка, факелы по бокам, приветственная табличка «Добро пожаловать, путник! Твоя смерть будет быстрой». А тут — просто чёрная дыра в скале. И никакого намёка на сервис.

Что-то увидеть трудно. Видно только то, что находится рядом.

Две огромные колонны отмечают вход в храм. На них кто-то вырезал змей — много змей, они переплетаются, кусают друг друга за хвосты и скалятся беззубыми пастьями. Искусство, конечно, но какое-то агрессивное.

Прямо посередине — статуя кобры, раскрывшей капюшон. Очень большая. Я задрала голову, чтобы разглядеть её макушку, и чуть не уронила «Светлячка». Глаза у кобры — два рубина. Или что-то красное, что очень похоже на рубины. Кажется, будто она пристально следит за мной.

Как же круто!

Я представила людей и других существ, что строили этот жуткий храм. Они работали сообща. Тут поставим резные колонны. Тут статую змеи — она будет внушать страх и трепет. А тут, может быть, фонтан? Нет, в пустыне с водой напряжно. Ладно, обойдёмся без фонтана.

Я выдохнула. Надела фирменную улыбку на лицо и шагнула в темноту зловещего храма.

Первый шаг — и темнота обняла меня за плечи. Второй — и я перестала видеть свои ноги. Третий — моё зрение привыкло к непроглядной тьме. А тут интересненько!

— Нефтис, — сказала я негромко. — Я иду!

Широкий коридор уходил куда-то вперёд, а по бокам темнели проёмы помещений. Я решила заглянуть в первое же из них, чтобы понять, с каким интерьером имеет дело местная богиня. Внутри оказалось совершенно пусто, если не считать массивной каменной плиты, которая, судя по всему, служила столом, и такого же каменного куба поменьше, выполнявшего роль стула.

Тут явно не хватало женской заботы, поэтому я решила взять инициативу в свои руки и принялась усердно протирать стол подолом своего платья. Оно, хоть и было особенным, всё же не стоило использовать в качестве тряпки слишком часто.

Когда с поверхностью было покончено и каменный куб тоже засиял первозданной чистотой, я с чувством выполненного долга уселась на этот импровизированный стул и огляделась.

Увы, даже после уборки комната казалась до невозможности пустой и неудобной. Повесить бы сюда картину с водопадиком и единорогами, и тогда можно было бы жить! Но вместо этого я могла рассчитывать только на голые стены и зловещую атмосферу, поэтому я тяжело вздохнула, мечтая о розовых ковриках и занавесках в цветочек.

Однако вздох, раздавшийся следом, исходил не от меня. Это было даже не дыхание, а тихое, протяжное шипение.

Я медленно повернула голову в сторону источника звука и увидела в дверном проёме людоящера. Только выглядел он совсем не так, как те двое из гостиницы: его руки и ноги были покрыты мелкой чёрной чешуёй с золотистым отливом, а голова уже почти полностью превратилась в кобриную. На нём была лишь набедренная повязка, а в руке он сжимал чёрное резное копьё.

Его поза выражала готовность к атаке!

Я тут прибралась, можно сказать, создала уют, а он стоит и шипит, даже спасибо не сказал.

Змеиный страж не стал тратить время на приветствия и сразу бросился в атаку. Его чёрное копьё просвистело в нескольких дюймах от моего улыбающегося лица. Оно могло бы попасть прямо в цель, но я вежливо сдвинулась чуть правее. Не люблю, когда мне в лицо тычут оружием. Это просто некультурно, даже если ты страж покоев древней богини.

Я подалась вперед и схватила копьё обеими руками, приложила совсем немного силы и одним уверенным движением выдернула его из лап людоящера. Он потерял равновесие и рухнул на пол.

В следующее мгновение я уже восседала на его широкой спине и для порядка стукнула его по затылку. Поспи, дорогой! Я не к тебе в гости пришла, у меня тут уборка ещё не закончена!

Он совершенно не хотел спать.

Его голова вывернулась под неестественным углом, жёлтые глаза уставились на меня с холодной злобой, а потом он разинул пасть, и его раздвоенный язык с мерзким шипением метнулся в мою сторону.

Да что ж ты так отчаянно сопротивляешься радуге?

Я без лишних церемоний заехала ему кулаком прямо в морду, и он наконец обмяк.

Поднявшись на ноги, я отряхнула своё платье от пыли и песка, а потом погрозила «Светлячку» пальцем.

— Вот видишь! Я и без тебя справилась, и даже не убила никого, — сказала я мечу. — Кровь на платье совершенно ни к чему!

Я подошла к «Светлячку», взяла его в руки и ласково погладила по лезвию — вдруг обидится, решит, что я обхожусь без него.

Добро должно быть с кулаками, но и верный двуручный меч лишним не будет!

Я вышла в коридор и направилась к другому помещению, где на точно таком же каменном кубе сидел второй змеиный страж. Его копьё лежало на столе в некотором отдалении, что было явной ошибкой с его стороны.

Он только успел посмотреть на меня и дёрнуться в сторону оружия, но я оказалась быстрее!

Одним точным движением я ударила его рукоятью меча по голове, и он с глухим стуком завалился прямо на стол.

Ну что ж, первое знакомство с аборигенами этого храма прошло вполне успешно.

В этом помещении тоже было не прибрано, но я решила не расстраиваться — на обратном пути обязательно наведу свои порядки, и тогда здесь станет уютно.

Я пошла дальше по коридору, внимательно разглядывая тёмные стены и прислушиваясь к тишине, и вдруг под моей ногой раздался громкий щелчок. Будто кто-то щёлкнул пальцами у самого уха.

Ой! Я, кажется, на что-то наступила!

Из стены, прямо из узкой щели между каменными блоками, вылетела стрела, с глухим стуком ударилась о моё платье и тут же отскочила.

Я же говорила, что моё платье особенное!

Стрела оказалась ужасного качества: просто заточенное деревянное древко с каким-то полужылым оперением. Могли бы и получше сделать, если уж решили убивать незваных гостей!

Я посмотрела под ноги и обнаружила там небольшой булыжник, который явно служил спусковым механизмом. Настоящая древняя ловушка, работающая без магии, только на чистой механике.

Ух ты! Я наступила на него снова, потому что мне стало интересно, что будет дальше.

Вторая стрела вылетела из той же щели и с тем же успехом отскочила от моего розового платья, даже не поцарапав ткань. Я наступила в третий раз — и третья стрела повторила судьбу своих подруг.

Я уже начала восхищаться упорством древних строителей, которые заложили в этот механизм целый арсенал.

Интересно, сколько там стрел?

Я наступила на булыжник ещё раз, раздался знакомый щелчок, но стрелы не было.

Я разоружила ловушку! Я умею, когда захочу!

Оставив в покое ловушку, я отправилась дальше по коридору, который постепенно сужался, словно храм решил меня немного обнять.

На полу, в пыльных углах, лежали какие-то яйца. Не змеиные ли?

Я взяла одно яйцо, осторожно потрясла его у уха, но ничего не услышала, кроме тихого бульканья. Омлет, что ли, приготовить?

Брать чужое без спроса нехорошо, я аккуратно положила его на место и пошла дальше.

Коридор вывел меня в большое помещение, и первое, что бросилось в глаза, — на полу, в толстом слое пыли, виднелось огромное изображение кобры, свёрнутой в кольца, которые состояли из сотен мелких витков, образующих незабываемой красоты узор. Кто бы ни рисовал эту змею, он явно любил своё дело и не жалел времени на детали, хотя сейчас вся эта красота была щедро присыпана песком.

Весь этот зал был пропитан древним злом, причём таким основательным, въевшимся в камни, что даже я, при всём своём оптимизме, почувствовала лёгкий холодок где-то между лопатками.

Но я была в нетерпении! Где же сама Нефтис?

От зала в разные стороны уходили узкие коридоры, и я решила, что нужно выбрать какой-то один. Я пошла направо и очень скоро обнаружила, что попала в комнату, где явно любили проводить время люди с нестандартным чувством юмора. Там стояла дыба — чтобы сделать тебя чуточку длиннее, рядом висел топор — чтобы тебя, наоборот, укоротить, а на столе поблёскивали щипцы для того, чтобы подстричь ноги до нужной длины.

Никого.

Я вернулась в центральный зал и пошла по левому коридору, который привёл меня в комнату жертвоприношений. В центре стояли два каменных стола: на одном, судя по тёмным пятнам и подтёкам, приносили в жертву людей. Крови там было столько, что она успела въестся в камень.

На другом столе лежало тело, полностью перемотанное бинтами, и пахло здесь формальдегидом. У меня защекотало в носу. Наверное, тут делают мумий.

Кроме этой лежащей мумии, которая даже не думала шевелиться, в комнате никого не было.

Оставался последний коридор — тот, что находился прямо в центре зала, между правым и левым проходами, и я не могла не заметить, что снова вышло три варианта выбора. Снова три! Моё любимое магическое число, знак того, что я иду правильным путём!

Я с улыбкой перекинула «Светлячка» с одного плеча на другое и уверенно зашагала в третий коридор, надеясь, что именно там меня ждёт сама богиня.

Чем дальше я шла, тем гуще становился воздух и тем сильнее пахло злом. Но я не обращала внимания на этот неприятный запах, потому что знала: за ним меня ждёт встреча с самой Нефтис, а значит, нужно быть в хорошем настроении.

Нефтис, моя дорогая, я иду к тебе в гости!

Надеюсь, ты любишь неожиданных паладинов в розовых платьях, потому что я уже почти у твоего порога, и у меня есть столько вопросов!

Глава 4. Нефтис

Коридор закончился, и я замерла на пороге. Это действительно завораживает!

Я стою на входе в тронный зал богини Нефтис, и это самое зловещее место из всех, что я видела. Магия пропитывает это место, она влияет на находящихся тут людей, причём самым прямым образом. На полу лежат люди, они корчатся в агонии.

Это зрелище заставило мою улыбку на секунду померкнуть.

Чьи-то лица уже начали покрываться мелкой чешуёй, чьи-то руки вытягиваются и становятся похожими на змеиные тела, а некоторые уже полностью превратились в змеиных стражей.

Вот зачем ей нужны люди — она не убивает их, не ест, не приносит в жертву на кровавых алтарях, а превращает в свою армию, терпеливо и методично перерабатывая живых существ в послушных воинов, и это даже страшнее, чем просто смерть.

В центре зала, на возвышении, стоит большой каменный трон, украшенный всё теми же змеиными узорами, а подлокотники выполнены в виде раскрытых змеиных пасть. На этом троне восседает сама Нефтис, богиня песков горя.

Она выглядит как женщина с телом прекрасной девы и длинными чёрными волосами.

Голову венчает золотая диадема в виде свернувшейся кобры. Но ниже пояса её тело превращается в змеиное, покрытое зелёной чешуёй, которая поблескивает в полумраке. Этот контраст между прекрасной женщиной и опасной змеей делает её одновременно притягательной и пугающей.

Она посмотрела на меня так, будто я ничтожная муха, которая случайно села на её сладкий пирог, и теперь она лениво размышляет, стоит ли меня прихлопнуть или просто сдуть со стола, чтобы не пачкать руки.

Я глубоко вздохнула, поправила «Светлячка» на плече, чтобы лежал ровнее, и улыбнулась во весь рот.

Отступать уже поздно, а бояться — просто скучно.

Я пристально посмотрела на богиню и сделала реверанс с мечом — особое сочетание придворного этикета с воинским искусством. Древний обычай тех времен, когда люди верили, что вежливость и готовность к бою идут рука об руку. «Светлячок» был отведён в сторону, зажат в вытянутой руке по диагонали, упираясь острием в пол. Мой корпус опустился в поклоне, спина прямо, голова гордо поднята, взор устремлён на Нефтис. Паладины радуги не кланяются низко, даже когда приветствуют богинь.

— Эф, — произнесла я чётко и с достоинством, — паладин радуги, младшая из Терцета. Тишина в ответ.

Я почувствовала на себе тяжёлый взгляд Нефтис. Она ещё не решила, смеяться ей над моей наглостью или немедленно превратить меня в очередного змеиного стража.

— Паладин, — задумчиво повторила богиня, и её голос оказался мягким, красивым, почти успокаивающим.

Потом что-то изменилось в её интонации.

— Моё имя Нефтис, — громко разнеслось эхом по залу, — богиня песков горя, жена Сетта, повелителя бурь

— Это такой с муравьиной головой? — выпалила я, сама того не ожидая.

Ляпнула не подумав.

Нефтис замерла. В глазах загорелся опасный огонёк.

— Ты знаешь моего мужа? — спросила она, и в её голосе не было вопроса — было требование ответа немедленно, сию секунду, иначе последствия будут ужасными.

— Эээ нет, просто угадала, — ответила я, но врать я не особо умею и никогда не любила.

Конечно, я знаю Сетта. Мы с Ди убили его 7625 минут назад. Зловещий мутант с головой муравья, что возомнил себя богом. А это значит — его супруга. Никакие они не боги, просто слегка могущественные создания. Я слегка разочарована.

Я улыбнулась, облокотившись на «Светлячка» как на посох, и поняла, что время этикета окончено.

— Ты лжёшь! — прошипела богиня, и её голос потерял всякую мягкость, превратившись в змеиное шипение. — Это ты убила его?

Честность — это лучшая политика.

— Да, — ответила я. — Я и старшая из Терцета — Ди, паладин лазурного неба, мы убили твоего мужа. Он плохо сопротивлялся.

На самом деле он сопротивлялся хорошо. Бой был сложный. Люблю такие бои!

Богиня горестно взвыла, обхватив руками голову. Вой разнёсся по залу, заставляя каменные своды дрожать. Довела богиню до слёз!

Неприятненько получилось!

Интересно, если перерубить Нефтис пополам, смогут ли две части её тела жить отдельно? Одна будет как змея без головы, вторая — как человек без ног, и мне стало любопытно, какая из них окажется более жизнеспособной. Я задумалась об этом на несколько секунд, пока богиня рыдала и, кажется, не обращала на меня внимания.

Богиня тем временем перестала рыдать и стала размахивать руками, дирижируя невидимым оркестром теней, призывая древнее зло.

Лежащие у её трона тела обращённых людей, которые ещё недавно корчились в агонии, вдруг зашевелились и начали подниматься на ноги.

Сначала один, потом два, потом три, и вот уже целых десять змеиных стражей угрожающе смотрели на меня своими жёлтыми глазами, злобно шипя и сжимая в руках чёрные резные копыя.

Ой-ой!

— Убейте её! — взревела богиня, вытянув руку и указывая на меня длинным пальцем с чёрным когтем.

Её голос прозвучал как раскат грома среди ясного неба.

Предсказуемо и банально.

Любая злая богиня поступила бы точно так же.

Вот если бы Нефтис сейчас сказала мне спасибо: «Ты избавила меня от мужа-тирана, теперь я счастливая вдова, получившая в наследство зловещую пирамиду в красных песках. Давайте устроим пир! Всем вина и конфет, будем праздновать новую жизнь!» Вот тогда бы это было действительно неожиданно и интересно.

Но мечтать не вредно, вредно не мечтать, поэтому я позволила себе на секунду представить эту прекрасную картину, а потом вернулась к реальности, где десять змеиных стражей шипели в мою сторону.

«Светлячок» загудел в моих руках низким, угрожающим гудением, когда я встала в боевую стойку. Я мысленно поблагодарила своего верного боевого друга за то, что он всегда готов поддержать в трудную минуту.

Когда кто-то хочет меня убить — я, знаете ли, против.

Улыбка на моём лице стала только шире. Против десяти вооружённых змеелюдей и одной разгневанной богини самое лучшее оружие — это хорошее настроение и уверенность, что радуга снова всех спасёт.

Змеиные стражи начали медленно подходить ко мне, но потом резко остановились, будто увязли в чём-то липком и тягучем. Это была радуга!

Они стояли, пытаясь освободиться, но у них ничего не получалось.

Я сияла.

Я прошла беспрепятственно вдоль ряда застывших противников, обходя их с изяществом танцовщицы, и направилась прямо к трону богини. Один из стражей хотел ткнуть меня копьём в бок, но я вовремя заметила его движение, подпрыгнула высоко, приземлилась прямо на его копьё, как на трамплин, а потом пнула его ногой в чешуйчатую морду.

Радуга сияет, не мешай!

Я шла, а Нефтис на троне становилась всё ближе и ближе, и я видела, как её красивые глаза расширяются от ужаса.

Какая милашка! Мы могли бы подружиться!

— Что? Что ты сделала? — кричала богиня, глядя на меня.

— Их обдало чем-то липким — это радуга, — повседневным тоном ответила я, продолжая приближаться к трону и стараясь, чтобы моя походка выглядела уверенной и непринуждённой, хотя внутри всё дрожало от напряжения.

Ну, на самом деле, поддерживать Ауру, которую я активировала, очень энергозатратно — в это время часть моих боевых способностей становятся не такими эффективными.

Ну да и ладно, справимся как-нибудь!

Нефтис не могла сдвинуться с места — аура радуги действовала и на неё. Надо же, богиня, а против какой-то девчонки в розовом платье ничего не может сделать.

Я подошла вплотную к трону и выставила «Светлячка» вперёд. Остриё меча оказалось в нескольких дюймах от её горла — ещё один маленький шаг, и я бы проткнула богиню, но я решила пока воздержаться от крайних мер.

— Нефтис, дорогая, — попросила я спокойным, почти ласковым голосом, — расколдуй, пожалуйста, людей.

Глаза богини расширились.

Она прошипела с такой яростью, что с её губ слетели капельки ядовитой слюны:

— Это мои рабы! Это моё войско! Я собирала их годами, превращала в идеальных воинов, и я не отдам их какой-то наглой девке в дурацком платье!

— Моё! — завизжала она, теряя всякое подобие божественного достоинства, и попыталась схватить меня своими длинными когтями, целясь прямо в лицо.

Я с лёгкостью отразила атаку мечом, даже не напрягаясь.

— Спасибо, Светлячок! — поблагодарила я своё верное оружие и снова обратилась к Нефтис, уже без всякой ласковости:

— Расколдуй людей — и останешься жива.

— Зачем спасать людей? — искренне не понимая, кричала богиня, и в её голосе звучало настоящее недоумение. — Мир обречён, люди вымирают, их осталось так мало, что они всё равно исчезнут, и в живых останемся только мы.

— Конкретно ты — вряд ли, — оборвала её моя реплика, вылетевшая раньше, чем я успела подумать.

Я тут же мысленно одёрнула себя: уф, какая же я некультурная, нельзя перебивать собеседников.

Нефтис, вместо того чтобы ответить, широко раскрыла пасть и выпустила облако густого зелёного газа прямо мне в лицо.

Зачем? Ну что за глупость? Мы же только что разговаривали, зачем переходить к таким грязным методам? Я же паладин — болезни и яды на меня не действуют.

Время неумолимо текло, и я чувствовала, как аура радуги начинает ослабевать.

— Нефтис, — сказала я в последний раз, глядя прямо в её красивые глаза, — расколдуй людей. Это твой последний шанс, больше я просить не буду.

И получила в ответ только злобное шипение.

Очень жаль, потому что я действительно предпочитаю решать вопросы мирным путём. Но раз богиня не понимает добрых слов, будем расколдовывать людей методом отсечения головы богини от её божественного тела.

Шаг вперёд, резкий выпад, и «Светлячок» описал в воздухе короткую, идеально точную дугу. Лезвие встретило плоть с минимальным сопротивлением. Голова полетела прочь, описав в воздухе красивую траекторию, а золотая диадема покатила по каменному полу, звеня, как упавшая монетка.

Провожая взглядом улетающую голову, я вдруг вспомнила кое о чём очень важном. Я забыла спросить у Нефтис про Лабиринт Истины!

Глава 5. Ди, паладин лазурного неба

Нас призвали, когда последняя из троицы пала. Би, паладин Зари, сильнейшая из трёх, погибла в красных песках

Преодолев зыбучие пески верхом на гигантском черве, мы наконец достигли древней пирамиды. Она возвышалась на горизонте как чёрный зуб, вонзившийся в кроваво-красное небо.

Опля! Я спрыгнула с червя, приземлившись на мягкий песок, и перекинула «Светлячка» на плечо.

Я принялась оглядываться по сторонам с искренним восхищением, потому что вокруг было на что посмотреть. Какая красота! Песок, красный, как кровь, простирался во все стороны, куда хватало взгляда, а над ним возвышалась древняя пирамида, сложенная из тёмных каменных блоков. Камни пирамиды, казалось, впитывали свет и уходили своей острой вершиной прямо в яркое голубое небо пустыни.

Я посмотрела на Ди. Ди, паладин лазурного неба, старшая из нашего Терцета, спрыгнула с червя следом за мной, и красный песок поднялся дымкой под её ногами. Её длинный тёмно-синий плащ красиво развевался на сухом, горячем ветру пустыни. Она приподняла свои очки и посмотрела на древнюю пирамиду долгим, изучающим взглядом, после чего фыркнула. Это было нормально. Она всегда так делает.

— Ну что? — я подгоняла её своим нетерпением, переминаясь с ноги на ногу. — Пошли?

Ди опустила очки на глаза, кивнула и ничего не сказала, потому что паладин лазурного неба была молчуньей по натуре. Она говорила только по делу, и то короткими фразами, которые можно было пересчитать по пальцам за целый день.

Мне с ней было очень тяжело, честно признаться: всё время нашего путешествия я что-то непрерывно говорила, делилась мыслями, шутила, а она только кивала или вздыхала. Иногда она фыркала, выражая своё недовольство. Я никогда до конца не понимала, слушает она меня или просто терпит.

Мы пошли вдоль пирамиды в поисках входа, обходя одну стену, затем вторую, и только на третьей стене нашли спуск. Тёмный проём, который вёл куда-то вглубь.

Ура, вход есть, начало положено, и теперь нас ждут приключения! Если бы входа не было, нам пришлось бы его пробивать. Это изнурительно, но радуга не боится сложностей!

Большая каменная дверь с изображением скарабея преграждала нам путь в пирамиду, и это было досадно, потому что мы уже почти у цели. Дверь оказалась закрыта. Мы шли в гости к древним мумиям, а они нас не желали впускать!

Я навалилась на дверь плечом, напрягла все свои мышцы и попыталась сдвинуть с места массивный камень, но ничего не получилось. Дверь даже не дрогнула.

Силой тут не получится. А может, всё же получится? Я обхватила покрепче свой двуручный меч, замахнулась и уже хотела хорошенько долбануть по этой дурацкой двери, но Ди остановила меня резким жестом. Короткий взмах руки, который означал «стой».

Она внимательно осмотрела дверь. Я всё ждала, когда же она наконец даст отмашку, и я с удовольствием врежу по этому каменному препятствию.

Наконец Ди что-то нашла на поверхности: справа от большого изображения скарабея, почти у самого края, было вырезано маленькое изображение точно такого же жука, только крошечного. Будто скарабей-отец и скарабей-сын смотрели друг на друга с каменной плиты.

Ди огляделась вокруг в поисках чего-то, потом резко сунула руку в песок у основания двери и вытащила оттуда небольшого каменного скарабея. Он был маленький, но идеально подходил по размеру под то самое маленькое углубление на двери.

Она вставила каменного жука в отверстие, и раздался отчётливый шелчок. Дверь с низким гудением и скрежетом древних механизмов начала медленно открываться, выпуская нас в прохладную темноту пирамиды.

Это был ключ! Обыкновенный каменный ключ в виде жука. Я с лёгким разочарованием опустила «Светлячка». В другой раз, Светлячок, в другой раз мы обязательно долбанём по какой-нибудь двери!

Пыльный коридор уводил нас вниз по старой каменной лестнице. Стены оказались испещрены рисунками и письменами древних народов, населявших эти края в незапамятные времена.

Ничего интересного! Сплошные легенды о великом и могучем Сетте, повелителе бурь, и его верном жреце Анубасе. Судя по картинкам, Анубас был то ли человеком с головой шакала, то ли шакалом с телом человека. Легенд было мало, поэтому они постоянно повторялись.

Когда мы спустились ниже, коридор раздвоился: один рукав уходил на север, другой на юг.

Ди указала мне на юг своим обычным жестом, который означал «иди туда, я пойду сюда».
— Разделимся, — сказала она коротко.

Исследование древней пирамиды в одиночку — это как раз дело для радуги!

Я пошла по коридору на юг, шла и шла, пока наконец не пришла в какую-то гробницу. Просторное помещение с высоким потолком, покрытым трещинами. В центре — саркофаг. Письмена на стенах подсказали мне, что здесь покоится сам Анубас, жрец Сетта, но информация была не совсем достоверной. Письмена давно не обновлялись и не учитывали последних событий.

Анубас, надо сказать, тут действительно был, но не в том виде, в котором его обычно изображают на картинках. Он лежал весь покрытый бинтами — вернее, то, что от него осталось. Тело было разрублено на несколько частей, и выглядело это так, будто кто-то очень не любил шакалоголовых.

Саркофаг Анубаса был перевернут и валялся на боку, часть жреца покоилась внутри, а часть его конечностей — вот эта рука, вон та нога — были разбросаны по всей гробнице в живописном беспорядке.

Ну так себе покой, совсем некомфортный для вечного сна.

Я подняла отрубленную руку, внимательно изучила сруб и поняла, что края ровные, без зазубрин — кажется, разрубили мечом, причём одним точным ударом.

Би, твоих рук дело? Нахулиганила тут без нас?

Я вздохнула, попинала остатки Анубаса от нечего делать, но ничего интересного больше не нашла: ни золота, ни магических артефактов.

Я развернулась и пошла обратно к Ди, чтобы сообщить, что южное направление оказалось совершенно бесполезным.

Ди тем временем вела беседу с каменным лицом, которое выступало прямо из стены. Лицо загадывало Ди загадки, одну за другой, и, судя по тому, как напряглись плечи паладина лазурного неба, она эти загадки совершенно не любила.

— Кто ходит утром на четырёх ногах, днём — на двух, а вечером — на трёх? — спросило лицо скрипучим голосом.

— Какой-то придурок, — раздражённо ответила Ди, даже не задумавшись, и скрестила руки на груди.

— Неправильно, — ответило лицо с явным удовлетворением и продолжило, переходя к следующей загадке: — Они приходят ночью, не будучи пойманными, а днём они теряются, не будучи украденными.

— Идиоты какие-то, — ответила Ди, и в её голосе уже закипала ярость.

— Неправильно, — снова отчеканило лицо, ничуть не смутившись, и задало третий вопрос: — Что сияет ярче солнца

— Мой кулак, — сказала Ди, и, не дав лицу договорить, размахнулась и зарядила своим крепким кулаком прямо в каменное лицо. По стене пошли трещины, а от удара по коридору разнёсся глухой, но внушительный грохот.

Лицо скорчило ужасную гримасу и с жалобным стоном рассыпалось на мелкие каменные осколки.

Ди не любит загадки!

Я стояла и смотрела на стену, где ещё минуту назад было лицо, а теперь осталась только глубокая вмятина. У меня на лице расплылась широкая улыбка.

— Получается, отгадала? — спросила я, едва сдерживая смех.

— Отгадала, — спокойно ответила паладин лазурного неба, поправила очки и указала мне на стену, за которой, судя по всему, было что-то важное.

Я этого ждала! Светлячок, наш выход! Мы будем крушить стену, и пусть древние камни трепещут перед силой радуги!

Я подошла к стене, постучала по ней костяшками пальцев, проверяя на крепкость. Камень звучал глухо и как-то не очень уверенно. Стена оказалась не такой уж серьёзной преградой, как могло показаться сначала.

Я сделала шаг назад, глубоко вздохнула, подняла «Светлячка» над головой и с криком «Сила радуги — дай мне сил!» обрушила меч на каменную кладку. Раздался оглушительный грохот, стена покрылась паутиной трещин, расходящихся во все стороны.

Я занесла меч над головой для второго удара, и этот удар получился сильнее первого. Я вложила в него всю свою радость от предстоящего разрушения! Стена начала крошиться, а часть кладки посыпалась на пол, поднимая облака вековой пыли.

Я уже заносила меч для третьего, финального удара, но Ди меня остановила. Она положила руку на моё плечо и мягко отодвинула в сторону. Ди подошла к стене и слегка надавила на неё ладонью. Стена, которая только что сопротивлялась моим героическим ударам, рассыпалась почти в пыль, открывая нам вход в очередной тёмный коридор.

Я довольно заулыбалась. Такова истинная сила радуги!

Коридор, открывшийся за разрушенной стеной, вёл нас то вверх, то вниз, петлял и извивался и всячески пытался нас замедлить, будто пирамида не хотела пускать непрошенных гостей в свои самые сокровенные глубины.

По пути мы встречали мёртвых мумий, порубленных на куски, каких-то крылатых существ с человеческими головами — теперь уже безголовых, что, наверное, даже к лучшему, — и множество дохлых больших жуков.

Би, опять ты постаралась?

И вот мы наконец вышли из коридора, заваленного телами, в просторный зал с колоннами, уходящими в темноту.

На золотом троне восседал смуглый мужчина с головой муравья. А у подножия трона, на холодных каменных плитах, лежало тело в солнечной юбочке и позолоченной кирасе — в одной руке зажат щит зари, в другой одноручный меч с серебряным клинком.

Это была Би. Паладин Зари. Сильнейшая из троицы. И она не двигалась.

— Ещё гости? — спросило существо на троне. Его голос прозвучал как треск кузнечика, равнодушный и какой-то неестественный.

Это был Сетт, я узнала его по картинкам на стенах, но он не представился. Поэтому по правилам хорошего тона первыми должны были представиться мы. Нельзя забывать о вежливости даже в логове врага.

— Меня зовут Эф, паладин радуги, — я сделала лёгкий поклон, поправила своё розовое платье.

Ди молчала, но я видела, как её волна за волной охватывает ярость. Я знала, что ярость паладина лазурного неба — это штука ужасная, особенно для тех, кто оказывается на её пути.

— А это Ди, паладин лазурного неба, — я указала открытой ладонью на свою молчаливую спутницу. Я надеялась, что представление хоть немного смягчит её настрой, но надежда была слабой.

— А я, — существо хохотнуло, и этот смех прозвучал как скрежет, — ваша погибель.

Фу, какое дурацкое имя — Ваша Погибель! Но радугу не обмануть — ты точно Сетт, повелитель бурь.

Я не успела ничего сказать, только подумать, как Ди вытащила два своих ручных арбалета. Быстрым движением она выпустила два болта в сторону Вашей Погибели, даже не целясь. Ди всегда стреляла навскидку и почти никогда не промахивалась. Один болт звякнул, ударившись о золотой подлокотник трона, и отскочил в сторону, а второй вошёл прямо в плечо муравьиноголового, и из раны потекла тёмная, почти чёрная кровь.

Сетт медленно поднялся с трона, и в то же мгновение весь зал превратился в пылевую бурю. Песок поднялся откуда-то из-под пола, из трещин в стенах, и закружился в бешеном вихре, будто внутри пирамиды проснулся древний ураган.

Песок бил в лицо, забивался в глаза, поднимал моё розовое платье вверх и вообще всячески мешал обзору, но Ди не остановилась. Она шла вперёд, выпуская ещё пару арбалетных болтов в противника, и я слышала, как они свистят в воздухе, пробивая песчаную завесу.

Я перехватила «Светлячка» поудобнее и рванула вперёд, но что-то как будто попыталось отобрать у меня меч. Маленькая, цепкая рука схватила лезвие, и я почувствовала, как оружие выскользывает из пальцев. Я остановилась, посмотрела на оружие. Маленькая, как будто детская рука, возникшая из ниоткуда, пытается вырвать у меня «Светлячка». Я ударила по ней свободной ладонью, и рука исчезла так же внезапно, как и появилась, растворившись в песчаной мгле.

Что это было? Магия Сетта? Иллюзия? Или какое-то заклинание, призванное обезоружить меня перед решающей схваткой?

Ди тем временем сокращала расстояние с Сеттом, пробиваясь через песчаную бурю. Ещё один арбалетный болт достиг цели, попав муравьиноголовому прямо в ногу, отчего тот взвыл и пошатнулся.

Я сделала резкий рывок, от которого платье взметнулось вверх, обнажая мои запыхлённые ноги, и оказалась прямо между Ди и Сеттом.

Удар кулаком пришёлся мне в плечо, но я успела заблокировать свободной рукой. Сила удара была такой, что меня чуть не снесло в сторону. Второй рукой я направила «Светлячка» в корпус противника, вкладывая в удар всю свою радужную решимость. Лезвие прошлось по боку муравьиноголового, но удар оказался менее результативным, чем я ожидала. Сетт даже не пошатнулся, когда из раны потекла чёрная кровь.

Ещё два болта, выпущенные Ди, вошли прямо в грудь Сетта. Я уже хотела порадоваться, как вдруг мощный порыв ветра отбросил Ди к стене, оставляя меня один на один с разъярённым богом. Я пыталась сопротивляться, но ноги скользили по песку, и меня понемногу уносило прочь от противника.

Покидать поле битвы — это не в принципах Радуги! Я вонзила «Светлячка» в каменный пол, оттолкнулась от него и, взлетев в воздух, зарядила ногой прямо в голову муравьиноголового бога. Удар был такой силы, что я услышала отчётливый хруст.

И вдруг песчаная буря стихла так же внезапно, как и началась. Песок осел на пол. Сетт пошатнулся и упал на колени. В его тело влетело ещё два болта — один прямо в голову, второй в район живота. Ди опустила арбалеты с видом человека, выполнившего свою работу. Сетт постоял на коленях ещё секунду, потом завалился на бок и затих.

На полу тронного зала теперь лежало двое: Сетт, поверженный и неподвижный, и Би, паладин Зари. Рядом с ней лежал её круглый щит с изображением восходящего солнца. Меча рядом не было.

Глава 6. Карликовый лес

Похоже, аура забрала слишком много сил, потому что после того, как голова Нефтис покатила по полу, а змеиные стражи замерли в своих липких окованах, я отключилась на некоторое время.

Когда я снова оказалась в сознании, то обнаружила, что сижу на троне Нефтис, обнимая «Светлячка», и чувствую себя немного глупо, потому что трон, оказывается, очень неудобный.

Кто придумал каменные троны? А этот ещё и весь в змеиных узорах, которые впиваются в спину.

Рядом со мной лежало поверженное тело богини. Стоны обращённых в змеиных стражей людей эхом разносились по тронному залу, и я с удивлением заметила, что они постепенно начинают обретать человеческий вид: чешуя осыпается, руки и ноги укорачиваются, лица становятся мягче. Они смотрят на меня мутными, непонимающими взглядами, будто только что проснулись после долгого кошмара.

Правильно! Хвалите меня! Радуга всех спасла!

Я поправила розовое платье, которое после всех этих приключений выглядело непрезентабельно.

Подошла к одному из бывших стражей и вежливо спросила, потому что даже в такой момент нельзя забывать о хороших манерах:

— Вы знаете что-нибудь о Лабиринте Истины?

Но в ответ я получила только невнятное мычание и отрицательное мотание головой. Мужчина был явно дезориентирован, его глаза бегали по сторонам, а губы шевелились, не издавая членораздельных звуков.

Ну ладно, не все знают о Лабиринте. Может быть, этот здоровяк в набедренной повязке что-то знает? Я подошла к нему, стараясь говорить медленно и чётко:

— Ла-би-ри-нт... Ис-ти-ны... знаешь о нём?

Мужчина схватился за голову обеими руками, закатил глаза и издал такой душераздирающий крик, что я даже отступила на шаг. Похоже, слишком много информации для его маленькой головы, или он просто испугался, что я снова начну задавать вопросы.

Здесь я информации о Лабиринте Истины не найду. Лабиринт Истины оставался для меня загадкой, а без загадок, как известно, приключения становятся скучными.

Впрочем, приключение получилось интересным — я убила богиню, спасла кучу людей,полнила коллекцию врагов и даже нашла время для уборки в боковых комнатах.

Мир вашему дому, я пойду в другой дом, где меня встретят более разговорчивые собеседники.

Я уже собралась уходить, сделала прощальный реверанс перед бывшими пленниками и направилась к выходу, как вдруг меня осенило! Не так быстро, Эф! У злых богинь должны быть какие-нибудь артефакты!

Я обыскала тело Нефтис, но кроме кольца с красным камнем на безымянном пальце левой руки ничего не нашла — ни золотых слитков, ни волшебных свитков, ни зловещих артефактов, меняющих баланс сил света и тьмы.

Кольцо!

Красивое! Красный камень в золотой оправе маняще блестел в свете догорающих факелов.

Проклято? Не думаю — обычно проклятые артефакты выглядят зловеще, а это колечко было просто симпатичным, как конфетка в яркой обёртке.

А может, всё-таки проклято? Да какая разница?

Даже если проклято, это не помешает Радуге! Радуга не боится проклятий! Потому что Радуга сама по себе — проклятие для всех, кто встаёт на её пути.

Я сняла кольцо с мёртвого пальца богини, надела на свой, полюбовалась и пошла на выход, насвистывая весёлую песенку про то, как хорошо быть паладином.

Покинув храм Нефгис, я оказалась на пороге нового выбора, потому что пустыня расстилалась передо мной во все стороны, но два направления казались самыми важными: снова идти на восток, в знакомые уже пески, или отправиться на запад, где, должно быть, что-то более интересное, а может быть, даже очень интересное!

Пески или интересное? Восток или запад?

Аааа не люблю выбирать! Я закрыла глаза, глубоко вздохнула, а потом сделала быстрый оборот вокруг своей оси — так, что моё розовое платье взметнулось вверх, обнажая ноги до самых колен, и в этом кружении я потеряла чувство направления. А потом, не открывая глаз, просто пошла вперёд, доверившись судьбе, удаче и тому, что мои ноги сами знают, куда им нужно.

Открыла глаза через несколько секунд и с удивлением обнаружила, что иду напрямик обратно в храм Нефгис.

Нет, туда больше не хочу! С меня достаточно богинь и змей, поэтому я резко развернулась и зашагала на запад, даже не оглядываясь.

Запад манил своей неизвестностью.

Через три часа строго на запад я вошла в причудливый лес со странными растениями: деревьями высотой не больше двух с половиной метров, колючими кустарниками, увитыми лианами, и необычными цветами, наполняющими воздух волнующими ароматами, от которых кружилась голова, но не от магии, а от удовольствия.

Красота!

Я огляделась по сторонам и подумала, что тут вполне могут скрываться коварные злодеи. Они могут прятаться за небольшими кустарниками, выпрыгивать из зарослей с криком «Ага!», надеясь застать жертву врасплох.

Наверное, в этом карликовом лесу водятся маленькие и коварные злодеи, которые любят подножки и другие мелкие пакости.

Не теряя бдительности, я шла по тропинке через густой лес, разглядывая растения и прислушиваясь к звукам, пока тропинка не начала петлять, а потом и вовсе разошлась в две стороны.

Одна тропинка вела куда-то к реке — я услышала шум воды. Вторая тропинка вела не к реке.

Пойду к реке!

Я свернула налево, пошла по тропинке, которая становилась всё зеленее, и вот наконец лес расступился, и я оказалась возле прекрасного водопада, который выглядел так, будто бриллианты падают с горы. Тысячи сверкающих капель, отражающих солнечный свет, создавали иллюзию драгоценностей, парящих в воздухе.

Я загребла воду руками, но никаких бриллиантов здесь не оказалось — только холодная, прозрачная вода, которая приятно холодила ладони.

Здесь так прекрасно! Мощные струи холодной воды низвергаются со скалы с таким грохотом, что кажется, будто сама земля аплодирует этому зрелищу, поднимая тучи сверкающих брызг, которые оседают на листьях и траве мелкими капельками.

Водопад даёт начало потоку, несущемуся на восток, прямо туда, откуда я пришла, словно приглашая меня вернуться, но на западе возвышаются скалы, увитые плющом и цветущими лианами, и они выглядят гораздо интереснее.

А потом я заметила трёх маленьких фей, которые вились среди сверкающих брызг водопада, как мотыльки вокруг ночного костра. Я замерла, боясь спугнуть это чудо, потому что фей я раньше никогда не видела, разве что на картинках в старых книгах.

Глава 7. Водопад фей

Милота!

Три прекрасные феи резвились над поверхностью водопада, сверкая разноцветными искрами и оставляя за собой светящиеся шлейфы.

Но что-то здесь было не так. Меня не покидало странное, почти физическое ощущение, что кто-то пристально наблюдает за мной.

Я прищурилась с подозрением. Так-так, феечки, какие-то вы странные — их крылышки, похожие на бабочкины, двигались слишком медленно. Почти лениво, тогда как настоящая бабочка машет ими с бешеной скоростью. А тут — плавно и медленно. Так тело феечки в воздухе не удержать — это противоречит всем законам природы, даже если природа тут волшебная.

Радуга подозревает!

Поизучав взмахи крыльев и траекторию полёта хорошенько, я заметила, что феечки двигаются по кругу, но никогда не отклоняются от заданного маршрута.

Я опустила голову в холодный поток воды, зажмурилась на секунду, а потом резко открыла глаза под водой. Сквозь мутную, бурлящую толщу разглядела его.

Точно! Удильщик!

На дне, притаившись между камней, сидело страшное создание — полурыба-полумонстр с широкой пастью, полной игольчатых зубов.

Почти попалась! Удильщик почти обманул меня, манипулируя своей фее-удочкой, надеясь поймать меня на крючок своей милотой и радужными брызгами.

Но Эф не проведешь! Радугу не обманешь!

Я вздохнула и с лёгкой грустью посмотрела на своё розовое платье, которому буквально через несколько мгновений предстояло намокнуть.

Я опустилась на дно бурной реки по пояс и обхватила рукоять «Светлячка» обеими руками.

Что ж, мой верный друг, у нас есть работа! Рыбу я люблю, а вот монстров — нет!

Я оттолкнулась ногами от берега изо всех сил, как пружина, и очень быстро поплыла, разрезая водную гладь прямо к тому месту, где под водой притаился удильщик. Как настоящая подводная радужная стрела!

Удильщик не ожидал, что теперь он сам является добычей. Ещё секунду назад он был хищником, заманивающим жертву в свои сети, а теперь к нему летела розовая девушка с двуручным мечом.

Его мутные, похожие на две бусинки глаза расширились от удивления. Он попытался сдвинуться с места, поднимая тучи мути и песка, чтобы скрыться в этом облаке и уйти от возмездия. Но «Светлячок» знал своё дело!

Подводная охота!

Бульп! Бульп! Бульп! — огромные пузыри воздуха поднимались вверх из острозубой пасти удильщика, когда в его тело с глухим звуком вошёл двуручный меч, пронзив чешуйчатую тушу насквозь!

Монстр забился в агонии, но его лапы уже ничего не могли сделать, потому что «Светлячок» крепко сидел в теле.

Я смотрела прямо в его глаза. В глаза обманщика.

Как ты посмел! Радуга не любит обман!

Когда всё закончилось и тело удильщика медленно опустилось на дно, я всплыла на поверхность. Я кое-что заметила — за водопадом виднелось какое-то тёмное пятно, похожее на вход в пещеру. Эта сверкающая завеса из миллионов брызг пыталась скрыть от меня пещеру!

Моё сердце радостно забилося в предчувствии нового приключения.

Даже если бы я и не заметила этот вход, я всё равно бы его проверила, потому что за водопадами почти всегда есть какие-то зловещие пещеры, скрытые гроты или тайные убежища. Я ещё ни разу в своей жизни не видела водопад, за которым ничего бы не оказалось.

Вдруг там то, что я искала все эти дни? Лабиринт Истины!

Щёки у меня загорелись розовым от одного только нетерпения! Я выбралась на берег, чувствуя, как вода ручьями стекает с моих синих волос и с розового платья.

Мокрая, но довольная — некогда наводит красоту, когда впереди такой соблазн. Я подошла к водопаду, осмотрела скалу, прикинула расстояние и попробовала пройти между каменной стеной и мощным потоком воды, падающим сверху с оглушительным грохотом.

О чудо! Я прошла. Ожидаемо.

Там, за водопадом, действительно была тёмная пещера с низким сводом, откуда тянуло чем-то очень, очень таинственным.

Мммм пахнет приключениями! Я отжала волосы, насколько это было возможно, и шагнула в темноту.

Я шагнула два раза — первый и второй. Потом зрение привыкло к полумраку, и я увидела вдали поворот, за которым, как мне показалось, мерцал какой-то странный, неестественный свет.

Насвистывая весёлую песенку, с мечом на плече и мокрая до нитки, я повернула за поворот и замерла на месте, потому что то, что открылось моим глазам, превосходило все мои самые смелые ожидания.

Ух ты!

Я находилась в волшебной оранжерее. Большой прозрачный купол накрывал её сверху, и по нему стекали потоки прозрачной воды, создавая иллюзию, будто ты стоишь под перевёрнутым небом.

Здесь были собраны самые необыкновенные, редкостные растения — таких я не видела никогда. Каждое из них выглядело так, будто его рисовал безумный художник, вдохновлённый слишком большим количеством вдохновения.

Блики света волнами пробегали по зелёной листве, словно живые. Повсюду были цветы, цветы, цветы — огромные бутоны, крошечные звёздочки, свисающие лианы и ещё какие-то растения, названий которых я не знала, но каждое из них было прекрасно по-своему.

Волна терпких и нежных запахов окутала меня с головы до ног, смешиваясь в воздухе в причудливый коктейль из мёда, ванили и чего-то неуловимо свежего, как утренняя роса на лепестках роз.

В центре оранжереи парил в воздухе маленький человечек в зелёной рясе, трепеща прозрачными крылышками. Он был крошечным — не больше моей ладони, — но выглядел очень важно и даже немного напыщенно, как настоящий хранитель этого волшебного места.

Снова удильщик? Не-е-е не бывает такого дважды подряд!

Человечек заметил меня, и его лицо расплылось в радостной улыбке. Он помахал мне маленькой ручкой, приглашая подойти ближе, и я шагнула вперёд.

Это был настоящий фей! Стопроцентный, без обмана! Маленькое доброе существо, которое очень радовалось гостям.

— Приветствую тебя, брат друид, — проговорил фей тоненьким, звенящим голоском, похожим на звон хрустального колокольчика.

Но я не брат! И не друид!

— Меня зовут Эф, — поправила я маленького человечка, стараясь говорить мягко и приветливо. — Я паладин радуги.

Я улыбнулась своей самой ослепительной улыбкой, на которую была способна.

На лице фея появилось явное разочарование — он ожидал брата-друида, а получил какую-то непонятную розовую девицу с мечом, и это слегка сбило его с настроения.

— А, ну это... приветствую тебя, сестра паладин, — поправился он, замешкавшись на секунду, но вежливость взяла своё. Он сделал в воздухе небольшой поклон.

— Я ищу Лабиринт Истины! — выпалила я.

Фей нахмурился, задумался и наконец сформулировал великую истину, до которой никто не додумался за тысячи лет:

— Лабиринтов много, но истинный только тот, что истин. Такова истина.

Ничего не понятно, но при этом очень интересно попытаться понять, что же он такое сказал. В его словах чувствовалась какая-то глубокая мудрость.

— Так это не лабиринт истины? — спросила я, и моя улыбка натянулась ещё шире, как бы невзначай подталкивая фею кивнуть и сказать: «Да, да, это самое место. Вот тут лабиринт, а вот тут истина. Берёте всё? Вам упаковать в подарочную бумагу или так понесёте?»

Фей посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, а потом вдруг звонко рассмеялся.

— Истина паладинов вне моей оранжереи, — выдал очередную мудрость фей, важно размахивая крылышками, будто сообщал мне великую тайну мироздания, — но могу предложить на продажу торбу лесника или семена кактуса.

Наверное, он прав. Ну не может в таком цветущем месте находиться Лабиринт Истины. Максимум, что можно найти в этой оранжерее, — это джунгли развлечений. Но мне-то нужно совсем другое.

— А не знаете, где искать? — спросила я с надеждой.

— Наверное — фей задумался, поджав губы. Я замерла в ожидании, боясь спугнуть его мысль. — Не знаю.

Потом он улыбнулся и ответил уже нормально, без философских отступлений:

— Поищите на юге, барышня, через Королевство Кентавров, на вершине утёса гарпий. Истину всегда ищут высоко в горах, — добавил он и подмигнул. — Там воздух чище и мысли свежее.

Ну, это логично! Не было ни малейшего повода усомниться в мудрости этого маленького человечка с прозрачными крылышками. Я помахала ему на прощание рукой, поблагодарила за совет и покинула волшебную оранжерею, шагая обратно через мокрую пещеру.

Глава 8. Мёртвый лес

Радужный удар!

Меч со свистом рассек воздух, и очередная змеиная голова с человеческим лицом, искажённым злобой, отлетела в сторону, оставляя за собой тёмную струю дыма вместо крови.

Да откуда вы лезете? Зачем мешаете радуге, когда она идёт по своим делам?

Ещё один радужный удар!

«Светлячок» гудел от напряжения, вгрызаясь в чешуйчатые тела, которые лезли со всех сторон. Они лезли из-за сухих деревьев, из-под гнилых корней, как будто сам лес рождал их только для того, чтобы досадить мне.

Лес, прекрати!

Мой верный меч пробивал себе путь в чаще мёртвого леса через огромных змей с человеческими лицами. Они шипят и пытаются напасть — кидаются на меня всем скопом, без всякой тактики. Набрасываются толпой, надеясь, что их будет так много, что я просто устану махать мечом.

Ещё один радужный удар!

Дурацкие лесные наги, вы выбрали не ту жертву! Я не испуганная путница, которая будет плакать и звать на помощь! Паладины радуги не плачут!

Вам меня не победить, слышите?

Серия радужных ударов!

Остатки наг разбежались в ужасе, прячась за сухими безжизненными деревьями. Радуга снова одержала героическую победу над злом! Надо отметить это победным танцем! Или как-то ещё! Победы нужно праздновать, даже маленькие.

Я воткнула меч в землю. Упёрла руки в бока и огляделась по сторонам, чувствуя, как ветер треплет мои синие волосы. Ну и где же мы, спрашивается? На юге, по словам фея, должно быть Королевство Кентавров — но вместо зелёных лугов и быстрых скакунов меня встретил этот проклятый лес.

До чего же довели лес, злодеи! Когда-то здесь, наверное, было красиво: пели птицы, шуршали объевшиеся земляникой ёжики, а теперь ни звука — только редкое карканье одинокой вороны, которая явно ошиблась адресом.

Я начала вглядываться вдаль, приставив одну руку ко лбу, как подзорную трубу. Так-с: слева мёртвый лес, справа мёртвый лес, а прямо... О, мост!

Идём к мосту!

Я выдернула «Светлячка» из земли, отряхнула лезвие и зашагала вперёд, чувствуя, как напряжение в теле постепенно сменяется любопытством — что там, за этим мостом?

Пришла.

Я стою возле гниющего старого моста, сделанного из целого ствола мёртвого дерева. Унылая картина смерти и разложения. Так себе материалы!

Что там за мостом?

За мостом, перекинутым через тёмную реку, виднеется мрачная поляна, но разглядеть её нормально не удаётся из-за стоящего посередине моста тролля.

— Эй, уважаемый! — крикнула я троллю. — Вы загорживаете обзор.

Троль моргнул своими маленькими глазками, потом оскалился — видимо, не привык к критике. Его зелёная, покрытая бородавками морда исказилась в подобии злобы, и он выкрикнул:

— Моя охранять мост! — и для убедительности угрожающе размахнулся дубиной, которая была размером с небольшое бревно.

Дурацкое имя.

— Я Эф, паладин радуги, — крикнула я в ответ, стараясь, чтобы голос звучал громко и уверенно. — Пропустишь?

— Что? — переспросил тролль, приставив руку к уху. Он, кажется, не расслышал меня.

— Говорю, радугу пропусти, — я заулыбалась и подошла к нему вплотную, на расстояние вытянутой руки. — Мне надо в Лабиринт, меня там Истина ждёт!

Тролль зарычал от такой наглости — да, радуга умеет быть упёртой. Его дубина со свистом пролетела над моей головой, потому что я вовремя пригнулась, не дожидаясь, пока он закончит замах. Не поднимаясь, я сделала круговую подсечку ногой. Тролль потерял равновесие, взмахнул руками, пытаясь удержаться, но его дубина перевесила. Он с глухим, обиженным рыком полетел вниз, прямо в тёмную, маслянистую воду под мостом.

Плюх! Воды тёмной реки приняли тролля, и на поверхности остались только пузыри и расходящиеся круги.

Теперь обзорю ничего не мешало. Я могла наконец рассмотреть мрачную поляну на другой стороне моста, которая раньше была скрыта за его широченной зелёной спиной.

Деревья на той стороне выглядели не такими уж страшными и безжизненными. Здесь даже кое-где пробивалась робкая зелень, будто природа делала первые осторожные шаги к выздоровлению после тяжёлой болезни.

Так, а это кто?

Я прищурилась и увидела знакомые силуэты, которые уже успели мне изрядно надоесть за последний час. Опять змеи с человеческими лицами! Они выползали из-за деревьев, из-за камней, и все они смотрели на меня своими злобными глазками с таким выражением, будто я была их законной добычей.

Я перехватила «Светлячка» поудобнее и шагнула через мост, оставляя позади тихо плещущую воду. Змеи этого берега тёмной реки ещё не встречали радугу! Их ждало маленькое, но очень яркое приключение, о котором они будут вспоминать до конца своих чешуйчатых дней.

Радужный удар!

«Светлячок» взвыл, рассекая воздух, и первый ряд наг встретил свою судьбу.

Глава 9. Би, паладин Зари

Ди, паладин лазурного неба, подошла к бездыханному телу Сетта с кривой усмешкой. На её лице не было ни радости, ни печали — только холодное, спокойное удовлетворение. Она пнула поверженного противника для проверки — тот не шелохнулся. Это, видимо, удовлетворило её окончательно. Ди развернулась и направилась к лежащей рядом с тронем Би, чьё тело так и осталось там, где мы увидели его в первый раз.

Ди присела рядом с телом на корточки, и я вдруг заметила, как по её лицу, скрытому за очками, потекли первые, робкие слёзы. Она провела рукой по доспехам паладина Зари — по солнечной юбочке, по позолоченной кирасе, а потом по её круглому щиту с изображением восходящего светила.

С минуту она молчала, просто сидела и смотрела на сестру, а потом повернулась ко мне. Я стояла на том же месте, возле воткнутого между каменных плит «Светлячка», и ждала.

Лучший способ помочь в такие моменты — это просто быть рядом.

— Меч пропал, — Ди говорила тихо и спокойно, но в её голосе чувствовалась глубина потери. — Её меч. Нам нужно вернуть его вместе с телом Би, чтобы похоронить как положено, со всеми почестями.

Я тем временем вытащила «Светлячка» из каменной щели, закинула на плечи — одной рукой держала рукоять, а второй, предплечьем, обхватывала клинок, упираясь в шею. Поза была одновременно и расслабленной, и готовой к очередному бою.

— Расскажи мне про Би, пожалуйста, — попросила я, зная, что сейчас самое время почтить память сильнейшей из Троицы. — Расскажи про её меч.

Ди вздохнула, села на каменные плиты, подобрав под себя одну ногу и вытянув другую, и начала рассказывать.

Би попыталась вытащить свой «Кларент» из тела поверженного драколича Хадакксара. Вонзить клинок в сердце чудовища было делом чести, а вот вытащить обратно оказалось целой проблемой. Драконья кость зажала лезвие мёртвой хваткой.

Рядом с ней стояла Си, паладин Заката, тяжело дыша и еле держась на ногах. Она стояла, оперевшись в свой длинный серебряный посох, который ещё минуту назад высекал искры магии из каменных плит, а теперь просто служил опорой для обессиленного тела. Её белые, когда-то ослепительные одеяния превратились в лохмотья, пропитанные кровью и сажей.

В её глазах застыла усталость.

Она смотрела на то место, где раньше стояла Эй, паладин Рассвета — первая из Троицы, самая быстрая и самая безрассудная. Теперь там было чёрное, обгоревшее тело и два полурасплавленных клинка — Зенит и Надир, которые когда-то устрашающе сверкали на солнце. Клинки лежали в лужице застывающей стали.

Ещё минуту назад здесь бушевал бой — крики, звон металла, рёв драколича, — но теперь стало угрожающе тихо. В этой тишине было слышно, как тяжёлые капли чего-то тёмного падают с потолка на каменный пол.

Би снова попыталась вытащить клинок, но в руках у неё остался лишь золотой эфес. Лезвие так и осталось в груди мёртвого драколича. Это был дурной знак.

— Жаль, — произнесла Би, глядя на остаток своего меча.

В этом коротком слове была и горечь от потери, и злость на себя, и сожаление о том, что «Кларент», верный друг, не пережил этой битвы.

— Жаль, — повторила Си, глядя на обугленное тело паладина Рассвета.

В этом коротком слове была только тихая, глубокая печаль и чувство вины, что она не успела, не защитила сестру в самый опасный момент.

— Теперь мне нужен новый меч, — разочарованно произнесла Би, вертя в пальцах бесполезный эфес.

Она не взглянула в сторону обгоревшего тела, потому что смотреть на мёртвую сестру было выше её сил.

— Ты иди, — с грустью в голосе ответила Си. — Я похороню Эй с почестями, как положено паладину Рассвета. Король-кузнец сможет выковать тебе клинок не хуже «Кларента», а может, даже лучше.

Би прошла мимо мёртвого драколича, чья огромная туша теперь казалась просто грудой мяса и костей, мимо тела поверженной Эй и направилась прямо к Си, которая всё ещё стояла, опираясь на свой посох и пытаясь не потерять сознание от боли.

Она опустила руку на израненное плечо Си — на ткань, пропитанную кровью и потом, — и произнесла тихо, но твёрдо:

— Я могу на тебя рассчитывать.

И потом развернулась и покинула Башню Драколича, не оборачиваясь, оставляя за спиной двух сестёр. Только эхо её шагов разносилось по опустевшим коридорам.

В те времена армия тьмы ещё не прошла победоносным маршем по миру — зло только готовилось, копя знания в тёмных библиотеках, берегло силы для решающего броска. Люди ещё не знали, какая участь их ждёт через несколько лет. Король-кузнец, мудрый правитель и искусный мастер, оказался одним из первых, кто познал на себе силу надвигающейся тьмы. Его королевство медленно, но неумолимо погружалось во мрак. Чтобы предотвратить неминуемую гибель всего, что он любил, он принял отчаянное решение, которое до него не принимал никто.

Он разделил свои земли на две части, как разрезают яблоко пополам острым ножом, и с тех пор эти две половины существовали отдельно друг от друга — Свет и Тьма, Добро и Зло, отражения одного и того же королевства, похожие, но такие разные. Тот же лес, те же города, те же реки и горы, но один вариант погрузился во мрак, а другой изо всех сил цеплялся за идеалы доброты, за свет и надежду.

Зеркальные земли.

Би прошла сквозь опустевший тронный зал и направилась прямо к трону, на котором сидел сам король-кузнец. Его полные грусти глаза посмотрели на неё, потом на эфес, который она протянула ему. Он сразу понял, зачем пришла паладин Зари.

— Паладин Мерлина, — с тоской обратился король-кузнец к Би. В его голосе слышалась усталость человека, который видел слишком много смертей и слишком много потерь. — Ты пришла выковать новый меч. Я помогу тебе, но ты взамен поможешь мне.

— Так и будет, — утвердительно ответила Би, не колеблясь ни секунды. — Ничего не даётся бесплатно.

Король-кузнец кивнул, и в его глазах зажгётся огонёк старого, давно забытого азарта мастера, которому предстояло создать не просто оружие, а настоящее чудо.

— Я создам для тебя лучший меч, который только могу создать, — сказал он, вставая с трона и подходя к наковальне, которая помнила ещё его деда. — Он будет воплощать в себе силу ночи и мощь дня. Свет и тьма сольются воедино в этом клинке — золотой эфес твоего старого «Кларента» и новое серебряное лезвие, которое я выкую из особой руды.

Король-кузнец внезапно замолчал.

— Однако, всё это будет после того, как ты отправишься в Зеркальные Земли и прине-сёшь мне Символ Света и Символ Тьмы, — произнёс он.

Он внимательно посмотрел на Би, прищурившись поверх своих очков, проверяя, слушает ли она его.

— На вершине Белой Башни, охраняемый Цветными Лордами, находится Символ Света. Символ же Тьмы стережёт на вершине Тёмной Башни ужасное создание. Принеси мне их, и я создам великое оружие для великого паладина Мерлина!

— Так и поступим, — коротко ответила Би, паладин Зари. Она развернулась и покинула тронный зал, оставляя короля-кузнеца в одиночестве.

Одинокая сторожевая башня, разделяла земли на две зеркальные половины. Внутри башни стояло два огромных зеркала в резных деревянных рамах: левое вело в добрую часть Зеркальных Земель, правое — в ту, что стала злой, и ни одно из них не выглядело приветливым.

Би стояла между двух зеркал и раздумывала, куда бы пойти в первую очередь — оружия у неё не было, только верный щит.

Она шагнула в правое зеркало. Оно притягивала своей неизвестностью.

Местность была до невозможности унылая и бесцветная — окружающие топи аспидно-чёрного цвета, а небо, укрытое за слоем плотных облаков, отливало грязно-серым.

Две дощатые дорожки пересекались здесь, образуя нечто вроде креста, и это был единственный безопасный путь через здешние зловонные болота. В застоявшейся воде что-то пузырилось, лопались какие-то ядовитые газы.

В воздухе повисла сырость и что-то гнилое, застарелое.

Паладин Зари шагала по доскам. Часть из них была прогнившими насквозь, другая шаталась под ногами, но всё же они были достаточно прочными, чтобы выдержать её вес и не дать провалиться в болотную жижу.

Деревянная дорога выгнулась дугой над пузырящейся болотной жижей, образуя узкий, ненадёжный мост, который вёл к полуразрушенному павильону. Когда-то там, наверное, отдыхали путники, а теперь от него остались только ржавые стены и покосившаяся крыша.

Би осторожно ступила на мост — доски жалобно заскрипели под её весом.

В павильоне, облокотившись на стену из высохшего дикого плюща, стоял человек с сальными чёрными волосами, а рядом с ним толклись пара девиц в ярких, но при этом ужасно грязных и потрёпанных нарядах. Их платья когда-то были красивыми, но теперь выглядели так, будто их постирали в болотной жиже, а макияж был ярким, почти агрессивным, как крик о помощи, который никто не слышит.

— Сударыня, не желаете ли отдохнуть? — поприветствовал сальный тип приторно сладким голосом.

Не обращая внимания на его слова, Би продолжила путь дальше, осторожно ступая по деревянному настилу, который местами полностью обвалился, а местами держался всего на одном-двух ржавых гвоздях. Каждый шаг мог стать последним.

На краю болота встречались две тропы: одна шла с севера на юг, между рядами бревенчатых зданий, похожих на брошенные сараи, а другая вела на восток — к чёрной блестящей башне, которая возвышалась над болотом.

Она пошла к башне, мимо снующих туда-сюда странных людей, которые пытались отобрать друг у друга кошельки, мимо гробовщика в чёрном костюме, который приветливо и молчаливо приподнял перед Би шляпу, оценивая её рост и прикидывая, какой гроб ей может подойти.

И вот она встала на пороге высокой башни из чёрного мрамора, отворила тяжёлые деревянные двери, обитые железными полосами, и шагнула внутрь.

В зале стоял человек в чёрном плаще и смотрел на новоприбывшую гостью долгим, холодным взглядом, в котором не было ни капли радушия.

Они обменялись взглядами — этого оказалось достаточно, чтобы понять: разговора не будет. Человек сделал резкий рывок в сторону Би, и его рапира просвистела в воздухе, целя прямо в сердце. Щит Зари отразил атаку с глухим звоном, и в следующее мгновение тяжёлый кулак паладина пришёлся человеку в чёрном плаще прямо между глаз. Он охнул, пошатнулся и медленно осел на пол, как мешок с картошкой, из которого высыпалось всё содержимое.

Би подобрала рапиру и огляделась по сторонам. Винтовая лестница из чёрного камня уходила вверх по внутренней стене башни, теряясь где-то в темноте, и на самом верху виднелась деревянная дверь, обитая ржавым железом. Паладин Зари быстро обыскала тело поверженного стража и нащупала в его кармане холодный предмет — чёрный ключ с изображением закрытого глаза.

Ключ подошёл идеально к замочной скважине на двери в конце винтовой лестницы. Дверь со скрипом отворилась, впуская Би в ещё одно помещение, похожее на предыдущее: те же каменные стены, тот же тусклый свет и такой же мужчина в чёрном плаще, стоящий посреди комнаты с рапирой наготове.

Он посмотрел на Би долгим, холодным взглядом, не сказал ни слова и тут же кинулся в атаку. Их рапиры скрестились со звоном, и в следующее мгновение последовал молниеносный рипост. Рапира Би, скользнув вдоль клинка противника, вошла прямо в сердце человека в чёрном плаще. Он упал на пол, даже не вскрикнув.

Ещё один противник — ещё один ключ от следующей двери в конце следующей винтовой лестницы. Би, не тратя времени на лишние размышления, подобрала его и пошла дальше.

И так повторялось ещё пять раз: тёмная комната, мужчина в чёрном плаще, звон рапир и ключ с закрытым глазом.

Только когда она вставила очередной, какой-то по счёту ключ в очередную дверь и шагнула внутрь, она поняла, что в этот раз всё будет иначе.

В последней комнате, на вершине башни, не было мужчины с рапирой. Вместо этого в центре помещения клубился, перетекая сам в себя, тёмный, почти осязаемый комок древнего зла — он угрожающе шипел, пульсировал и наблюдал за паладином Зари. Сотни маленьких красных глаз на маслянистой плоти наблюдали за гостьей.

Би, применявшая до этого щит только для отражения ударов, вдруг закрыла глаза и стала нараспев, медленно и торжественно, произносить слова заклинания, которые эхом разносились по тёмной комнате, отражаясь от каменных стен.

Щит в её руках озарился ровным, спокойным светом — сначала едва заметным, а потом всё более ярким, всё более ослепительным, и этот свет наполнял собой всё помещение, вытесняя тьму из каждого угла, из каждой трещины в каменных стенах.

А потом широкий луч — жгучий и нестерпимо яркий — вырвался из центра щита, ударив прямо в клубящийся комок древнего зла. Порождение зла заверещало, забилось в конвульсиях, пытаясь спрятаться в темноте, но свет достигал его повсюду. Луч палил неистово, как само солнце, спустившееся на грешную землю, сжигая до тла порождение тьмы, не оставляя ему ни единого шанса на спасение.

И когда всё закончилось, свет погас так же внезапно, как и зажёгся. В комнате снова воцарился полумрак, на земле среди пепла и чёрной золы остался лежать лишь круглый, величиной с монету, символ с изображением закрытого глаза — Символ Тьмы.

— Ты так подробно всё описываешь, — похвалила я Ди. — Продолжай, пожалуйста, мне очень интересно, что было дальше!

Я редко слышала, чтобы Ди говорила хотя бы пару предложений за раз, а тут — целая сага о Би, о короле-кузнеце, о зеркальных землях и о том, как паладины Мерлина сражались в те времена, когда мир ещё не был окончательно погружён во тьму.

А я, вместо того чтобы тихо сидеть и слушать, сбила её, прервала историю.

Радуга сожалеет, и искренне, от всей своей розовой души!

Ди холодно посмотрела на меня поверх своих круглых очков, глубоко вздохнула и продолжила.

Глава 10. Талиесин

Затем Би последовала в другую часть Зеркальных Земель — туда, где добро ещё не совсем растеряло свои краски, — и очутилась в прекрасном саду, на гравийной дороге, которая плавной петляющей линией уходила к небольшому пруду. Узкий деревянный мост, резной и изящный, раскинулся над прудом, соединяя берег с белым павильоном, сверху донизу покрытым виноградной лозой с гроздьями спелых ягод. Возле моста лениво плавали золотые рыбки, охотясь за невидимой едой и нарушая своим лёгким плеском безмятежность водной глади, в которой отражалось белое, ещё по-летнему тёплое небо.

Внутри павильона как раз проходило бракосочетание — мужчина в светлых одеждах жреца благословлял новобрачных на долгую и счастливую жизнь. Воздух был наполнен ароматами цветов и сладким, чуть грустным счастьем. Би пошла дальше, не обращая внимания на гостей, которые звали её остаться на празднике, отведать угощения и поднять бокал за молодых, — у неё была другая цель, и ни свадьбы, ни уговоры не могли её остановить.

Уходя дальше от пруда по тропинке, петляющей между цветущих кустов, она достигла небольшого городка с утоптанной, твёрдой дорогой и красивыми, небольшими домиками. Каждый из них был ухоженным, опрятным, с резными наличниками и цветами на подоконниках — казалось, здесь жили люди, которые знали толк в уюте и не спешили расставаться с ним даже в самые тёмные времена.

На лавочке у дороги сидел мужчина с длинными седыми волосами и брэнчал на арфе, извлекая из неё мягкие, переливчатые аккорды. Завидев паладина, мужчина оживился, перебрал струны и начал распевать высоким, чистым голосом о радужной башне:

*«Семицветом радуга по небу лилась,
Радуга детишек, весело смеясь.
Капал дождик мелкий, радугу даря
Почве плодородной и сухим полям.
В пламя пала капля, стала капля камнем,
Красным, словно пламя, — он такой один.
Радуги кусочек людям подарил,
Спрятать повелел Красный Властелин».*

Би только фыркнула, проходя мимо, даже не повернув головы: песни и стихи были не для неё. Радуга в её представлении была не чем-то прекрасным и вдохновляющим, а всего лишь очередной магической структурой, которую предстояло взять штурмом. Её цель — Радужная Башня — уже виднелась недалеко, сверкая на солнце, как огромная драгоценность.

Сверкающая кристаллическая башня, переливающаяся всеми цветами радуги, возвышалась над этим скромным поселением. Основание и вершина башни были сделаны из прозрачных кристаллов, таких чистых, что сквозь них можно было разглядеть малейшие детали интерьера, а этажи между ними подобны самой радуге: самый нижний — красный, над ним оранжевый, жёлтый, зелёный, синий и, наконец, фиолетовый, как венец этого цветного великолепия.

Ров под башней тоже сверкал, отражая свет башни тысячами крошечных бликов, как зеркальная гладь в безветренную погоду. Эта постройка была создана явно для красоты, а не для обороны — ни бойниц, ни крепостных стен, ни даже простого частокола вокруг, только чистая, незащищённая красота, которая почему-то казалась Би самым опасным местом из всех, где ей доводилось бывать.

Она отворила дверь и вошла в Радужную Башню. Первое, что встретило её внутри, — красная комната, вся, от пола до потолка, пропитанная алым, насыщенным, почти живым светом. Восемь стен из полупрозрачного красного стекла окружали её, рассеивая сочный алый

свет. Большой трон стоял в центре, стилизованный под два сплетающихся розовых куста — ветви переплетались, образуя спинку, шипы поблескивали в неровном свете, а искусно вырезанные бутоны, казалось, вот-вот распустятся.

На троне сидел человек в красных одеждах — таких же алых, как и стены, — и ожидающе смотрел на Би, не двигаясь и не произнося ни слова.

Справа и слева от трона стояли столы из красного дерева, покрытые замысловатой резьбой. Длинный диван, обитый бархатом цвета запёкшейся крови, примостился у южной стены, а пол устилал искусно сотканный ковёр с таким сложным узором, что можно было рассматривать его часами.

Видимых лестниц наверх не было — только гладкие стены и глухой потолок, отражающий алый свет.

Би посмотрела на человека в красном, потом наверх, потом снова на него и, не говоря ни слова, показала пальцем в потолок — мол, мне туда, пропусти.

Но красный человек отрицательно покачал головой, и его лицо, до этого бесстрастное, исказилось лёгкой, почти незаметной усмешкой. Он выставил обе руки вперёд — одну открытой ладонью вверх, а второй сложил пальцы шепотью и начал тыкать в раскрытую ладонь, будто отсчитывал монеты или спрашивал: «А что ты дашь мне взамен?»

Молчаливый торг. Красный человек явно что-то хотел — плату, услугу, обещание, — и без этого не собирался отпускать паладина Зари на следующий этаж, где её ждали другие цвета и, возможно, Символ Света.

Она подошла вплотную к человеку в красном и, не найдя других аргументов в этом странном молчаливом торге, угрожающе занесла кулак, чтобы объяснить ему всю серьёзность своих намерений более убедительным способом. Но тут же, в тот самый миг, когда кулак должен был опуститься, оказалась снаружи Радужной Башни — стоя на гравийной дорожке у самого основания, а перед глазами всё ещё плавал алый отсвет несостоявшегося удара. Магия перенесла её за пределы башни — мягко, но настойчиво, как мать отодвигает ребёнка от горячей плиты. Радуга, видимо, была против насилия, особенно в своих собственных стенах.

Я хотела что-то сказать, но осеклась, боясь прервать Ди снова. Да и потом, радуга — это именно то, что я есть, и если Красный Властелин или кто там сидел на троне из розовых кустов не любит насилия, то мы с ним, пожалуй, нашли бы общий язык. Никакого насилия, только спасительное разрушение по обоюдному согласию и немного убедительной дружбы!

Бард.

Бард явно что-то знал — знал, как достичь вершины Радужной Башни. И Би, оказавшись снаружи без единого намёка на следующий этаж, вернулась в поселение и потребовала ответа — коротко, без лишних слов.

Бард, радостно узрев благодарного слушателя, который не убегает после первых же аккордов, начал петь песню про Радужную Башню — старую, длинную, полную повторений и загадочных намёков.

Он пел и пел, а песня всё не прекращалась, потому что перед каждым четверостишием он вставлял один и тот же припев — как крючок, на который должно было ловиться терпение слушателя:

«Семицветом радуга по небу лилась,
Радуга детишек, весело смеясь.
Капал дождик мелкий, радугу даря
Почве плодородной и сухим полям».

А потом — проигрыш на арфе, долгий и задумчивый — и снова куплет: про красный камень, про янтарный, про жёлтый, про зелёный, про синий, про фиолетовый, и каждый раз одни и те же строки менялись только в двух местах:

*«Пала капля в пламя, стала капля камнем,
Красным, словно пламя, он такой один.
Радуги кусочек людям подарил,
Спрятать повелел красный властелин».*
*«Пала капля в рощу, стала капля камнем,
Как янтарь, прозрачный — он такой один.
Радуги кусочек людям подарил,
Спрятать повелел янтарный властелин».*
*«В рой упала капля, стала капля камнем,
Жёлтым, словно солнце, — он такой один.
Радуги кусочек людям подарил,
Спрятать повелел жёлтый властелин».*
*«Капля пала на лозу, стала капля камнем,
Словно виноград, зелёный — он такой один.
Радуги кусочек людям подарил,
Спрятать повелел зелёный властелин».*
*«В воду пала капля, стала капля камнем,
Синим, будто море, — он такой один.
Радуги кусочек людям подарил,
Спрятать повелел синий властелин».*
*«Пала капля на цветок, стала капля камнем,
Цветом как фиалка, — он такой один.
Радуги кусочек людям подарил,
Спрятать повелел фиолетовый властелин».*

А потом — последний, самый важный куплет, после которого арфа замолчала, а бард посмотрел на Би с такой торжественностью, будто только что открыл ей тайну мироздания:

*«Пала капля на добро, на человека чистого,
И кристальною слезой обратилась в камень.
Неба радужного часть подарили людям,
И беречь от тёмных сил люди его будут».*

Бард поклонился, прижав руку к сердцу, — и молча ушёл заниматься своими бардовскими делами, оставив паладина Зари наедине с её мыслями.

Итак, Ди предстояло найти семь камней — по одному на каждый цвет, — которые были спрятаны где-то в Зеркальных Землях, и, судя по песне, каждый из них просто лежал и ждал, когда за ним придут. У неё на это ушло много времени — дни, а может быть, и недели; Зеркальные Земли не любят спешки и прячут свои сокровища в самых неожиданных местах.

За камином в заброшенном доме, где пахло золой и забытыми воспоминаниями, она нашла неприметный красный алтарь, почти сливающийся с кирпичной кладкой, — а на нём лежал рубиновый символ для Красного Властелина.

В саду, среди персиковых деревьев, чьи ветви клонились к самой земле под тяжестью спелых плодов, она нашла янтарный символ. Он висел на ветке, привязанный тонкой бечёвкой, и его можно было принять за засохшую каплю смолы, если бы не ровный, тёплый свет, который он излучал.

Топазовый символ для Жёлтого Властелина затаился внутри улья с пчёлами — пришлось дымить, уговаривать и быстро выхватывать его из роя, пока насекомые не поняли, что происходит.

В ивовой лозе, склонившейся над прудом, затаился изумрудный символ, зелёный, как молодая листва, — его корни дерева оплели так плотно, что пришлось аккуратно разгибать ветви, боясь сломать.

Сапфировый символ был спрятан в подводной пещере на дне того самого пруда — пришлось нырять, задерживать дыхание и шарить руками в темноте, пока пальцы не нащупали холодный, гладкий камень.

Аметистовый символ для Фиолетового Властелина Ди нашла у подножия горы, в зарослях диких фиалок, которые росли так густо, что казалось, будто земля покрыта фиолетовым ковром.

А хрустальный символ — самый важный, тот, что отсылал к последнему куплету о «человеке чистом» и «кристальной слезе», — был спрятан на вершине павильона, где несколько дней назад праздновали бракосочетание молодая пара. Би пришлось подниматься по резным колоннам, рискуя сорваться, и на самой верхушке, в маленьком углублении, которое было видно только с определённого ракурса, она нашла его — прозрачный, чистый, как слеза, застывшая навсегда.

Собрав их все — семь камней, семь цветов, семь кусочков радужной мозаики, — Би снова отправилась в Радужную Башню, и на этот раз Красный Властелин не стал препятствовать её пути. Она отдала рубиновый символ человеку на троне из розовых кустов, и комната в тот же миг погрузилась в темноту. Когда свет вернулся, паладин Зари стояла уже в Оранжевой комнате, где янтарный свет лился сквозь полупрозрачные стеклянные стены, окрашивая всё вокруг в тёплые, медовые тона, а сладкий фруктовый аромат заполнял каждый уголок, напоминая о лете и спелых абрикосах.

В центре комнаты, под самым высоким сводом, стоял мужчина в оранжевом плаще — такой же молчаливый, как и его красный брат. Би, не тратя слов на пустые приветствия, передала ему янтарный символ. Комната снова потемнела, и паладин Зари оказалась в Жёлтой комнате, где воздух дрожал от знойного, золотистого света.

Так она поднималась этаж за этажом, отдавая каждому хранителю его цветной камень. Оранжевый получил янтарный, жёлтый — топазовый, зелёный — изумрудный. Комнаты гасли и вспыхивали заново, и к фиолетовому этажу Би уже не удивлялась — только протягивала руку и ждала, когда тьма отпустит её выше, пока наконец Би не оказалась в Призматической комнате на самой вершине Радужной Башни.

Она стояла в сияющей полусфере из тысяч тонких призм, которые переливались и дрожали, как роса на утренней паутине. Тёплые потоки радуги огибали её тело, обрисовывая плечи, повторяя контур фигуры — казалось, она сама стала частью башни, ещё одной гранью гигантского кристалла. Такое же свечение пульсировало в хрустальном троне и в существе, которое на нём восседало.

Это была девушка — безликая и молчаливая, полностью сотканная из радужного света, как живая проекция чего-то очень древнего и очень прекрасного. Тысячи радужных лучей пронзали её тело, входили в него и выходили обратно, преломляясь и рассеиваясь по комнате тысячами мелких бликов. У девушки были человеческие формы, но никаких деталей, никаких черт лица нельзя было разглядеть: всё поглощало плавное ярко-золотистое сияние, которое струилось из самой её сути.

Би подошла к трону, чувствуя, как радужные потоки касаются её кожи, и протянула девушке хрустальный символ — последний, самый важный, тот, что был спрятан на вершине свадебного павильона. Девушка приняла его без слов и в ответ протянула паладину Зари маленькую монету с изображением солнца — Символ Света.

А за миг до того, как башня перенесла её к своему подножию, мягко и бережно выталкивая из своих стен, Би заметила, что девушка улыбнулась — едва уловимо, но совершенно

определённо, — и в этой улыбке читалось спокойное знание, что всё идёт как надо и что Символ Света попал в нужные руки.

На ладони лежали две маленькие монетки — светлая и тёмная, холодные и молчаливые, но полные силы. Теперь их можно было отдать королю-кузнецу, чтобы он наконец выполнил своё обещание и создал новый меч для неё — взамен «Кларента».

Король-кузнец ковал меч неустанно — три дня и три ночи, забыв про усталость, не отходя от наковальни, и только звон молота разносился по его опустевшему королевству. Он вкладывал в этот клинок всю свою мудрость, всю боль и всю надежду, и когда работа была закончена, он явил свету это чудо — меч, равного которому не было и не будет.

Серебристый клинок, отполированный до зеркального блеска, переливался на свету холодным сиянием, а рукоять с витым золотом будто выкованная для её руки, будто созданная именно для ладони паладина Зари.

Руническая вязь, выгравированная вдоль лезвия, мерцала тусклым светом, а инкрустация драгоценными камнями — рубинами, сапфирами, аметистами и топазами — напоминала о тех самых цветах, через которые Би прошла на пути к вершине Радужной Башни.

А на гарде, в самом центре, там, где клинок встречается с рукоятью, король-кузнец поместил Символ Света и Символ Тьмы — но не как два врага, а как единое целое. В центре солнца, выкованного из чистого золота, покоился закрытый глаз, и этот знак говорил: свет не существует без тьмы, а тьма без света, и только тот, кто принимает обе стороны, способен победить истинное зло.

Имя этому мечу король-кузнец дал — Талиесин, что означало «человек, который умел видеть суть вещей там, где другие видели только форму». Би взяла его в руки, и клинок довольно загудел, признавая свою хозяйку.

Ди внезапно замолчала и посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом, который обычно означал, что сейчас она скажет что-то очень важное для моих розовых ушей.

А что я? Я вроде ничего не сделала — не перебивала, не задавала глупых вопросов. Я была послушной радугой!

Но Ди смотрела на меня так, будто собиралась сообщить нечто, от чего моя розовая жизнь могла навсегда измениться.

— Эф, — начала она, и её голос был серьёзным, без единой нотки привычной флегматичности. — Ты младшая из Терцета. И самая слабая из нас троих. Последних паладинов Мерлина на этом свете.

Я сглотнула. Слова «самая слабая» кольнули где-то в груди, но я понимала, что она просто констатирует факт.

— Вся надежда на тебя, — продолжила Ди, и в её голосе прозвучало что-то похожее на тепло. — Отыщи Лабиринт Истины и стань сильнейшей. Стань лучшим из паладинов — такой, какой была Би. Или даже лучше.

Я слушала, не моргая, не в силах вымолвить ни слова, потому что внутри меня всё загудело и заискрилось.

Приключение! Настоящее приключение — в одиночку, без Ди, только я, «Светлячок», моя улыбка и Лабиринт, который ждёт меня где-то там, впереди.

— Я готова! — сказала я, подняв «Светлячка» над головой. В моём голосе не было ни капли сомнения, только уверенность. — Радуга станет сильнейшей!

Глава 11. Ликантроп

Я прошла сквозь мёртвый лес, но впереди меня ещё ждало много приключений — я чувствовала это всем своим розовым нутром.

Между двумя умирающими деревьями, чьи иссохшие ветви тянулись к небу, как кривые пальцы, я заметила пещеру — вход в неё был небольшим, полтора метра в высоту. Оттуда тянуло опасностью и чувствовалось чьё-то присутствие.

Пещера — это стандартный ландшафтный элемент любого приключения. Я уже знала: если нет пещеры, то обязательно найдётся или дупло, или дыра в стене, или хотя бы просто тёмный угол, в котором кто-то прячется и ждёт, когда его найдут.

Я заглянула в тьму пещеры, пытаюсь разглядеть хоть что-то в этом непроглядном мраке, и крикнула: «Есть кто?».

Два красных глаза из глубины пещеры посмотрели на меня. Глаза горели ярко, как угли в ночном костре, и я сразу поняла, что одной вежливостью тут не обойдётся.

Я сделала шаг назад, на всякий случай, и встала в лангорт — стойку, при которой руки с мечом вытянуты прямо перед собой, а острие направлено в сторону пещеры. Это одновременно и приветствие, и предупреждение: сюда лучше не лезь, если не хочешь познакомиться со «Светлячком» поближе.

— Выходи, — приказала я. Мой голос звучал твёрдо и уверенно. — Радуга предупреждает!

— Радуга? — из пещеры донёсся чей-то грубый, низкий голос, в котором слышалось любопытство, смешанное с удивлением. — Радуга, говоришь? Я выхожу!

Радуга — это серьёзно! Даже странные пещерные создания это понимают, и я почувствовала, как «Светлячок» довольно загудел в моих руках, предвкушая если не битву, то хотя бы интересный разговор.

Из пещеры, неуклюже переваливаясь, вышло существо с головой волка и телом медведя. Массивное лохматое тело с короткими лапами, которые беспомощно свисали вдоль туловища. Лапы тоже были волчьими — с когтями и твёрдыми подушечками.

Оно моргнуло красными глазами и замерло, оценивая меня так же внимательно, как и я его.

— Я Эф! Паладин Радуги, — представилась я, не опуская меча, но и не делая резких движений. — А ты что за странный зверь? Ты злой?

Наверное, не стоило спрашивать про отношение ко злу — зло редко говорит правду. Ну какое зло сознается, что оно зло? Но вопрос уже вылетел, и обратно его не вернуть.

— Меня зовут Эрл, — ответило существо, и в его голосе слышалась обида, будто само предположение о том, что оно может быть злым, оскорбило его до глубины мохнатой души. — Я ликантроп. И я застрял.

Я посмотрела справа от своего меча на Эрла, потом слева, разглядывая его со всех сторон, насколько позволяла боевая стойка. Он стоял передо мной как ни в чём не бывало, переминался с лапы на лапу, хвост его слегка подрагивал — ничего похожего на застревание я не заметила.

— Есть подозрение, что ты нигде не застрял, — ответила я, чуть опуская меч. Угрожать застрявшему существу было как-то неспортивно. — Кажется, ты вводишь паладина в заблуждение. А паладинов в заблуждение вводить не стоит — у них на это аллергия.

— Да нет же! — не унимался Эрл, и его волчья голова затряслась с такой силой, что я всерьёз испугалась, как бы она не отвалилась от шеи вместе с ушами и носом. — Я застрял в превращении! Понимаешь? В процессе! На полпути!

Застрял в превращении. Это получается, что он хотел превратиться из волка в медведя или, наоборот, из медведя в волка, и на середине процесса что-то пошло не так. Его заклинило, как старый механизм, в который забыли капнуть масла. Голова уже волчья, лапы вроде медвежьи, а хвост — непонятно чей.

Занятно, подумала я. Радуге такое по душе — нестандартные задачи, необычные проблемы, странные существа.

Может быть, мне удастся помочь этому бедолаге, а заодно узнать что-нибудь полезное про Лабиринт Истины — вдруг ликантропы в курсе, где он находится?

— Тебе помочь? — поинтересовалась я, искренне желая решить его проблему самым эффективным способом из всех, что мне были известны. — Я могу ударить тебя мечом или, например, пнуть сильнее. Это иногда помогает.

Голова волка начала мотаться из стороны в сторону с такой скоростью, что я испугалась, что Эрл вот-вот потеряет равновесие и рухнет на землю.

— Нееет, паладин, подожди! — взмолился он, и в его красных глазах появился самый настоящий ужас. — Твои методы они не проверены! И очень опасны! Я, может быть, хочу дожить до завтра!

— Тогда, — предложила я, убирая «Светлячка» в сторону и складывая руки на груди, — я могу попробовать тебя расколдовать.

— А это не больно? — спросил Эрл, и в его красных глазах мелькнуло сомнение.

— Бывает по-разному, — честно ответила я, потому что врать было не в моих правилах, — но редко бывает больно. Обычно просто щекотно и немного странно.

Эрл подумал секунду, потом ещё одну, а затем согласно кивнул, видимо, решив, что щекотно — это не так страшно, как быть порубленным на куски двуручным мечом.

Радуга — лучшее лекарство!

Я подошла к нему вплотную и приложила обе ладони к его мохнатому, тёплому телу, чувствуя, как где-то глубоко внутри меня, в самом сердце, загорается знакомый огонёк.

Тёплая волна магии потекла от моего сердца через ладони прямо к Эрлу. Его шерсть начала медленно исчезать — сначала на спине, потом на боках, открывая гладкую кожу, а лицо становилось всё менее похожим на волчье. Черты смягчались, округлялись, и вдруг, откуда ни возьмись, начал расти клюв — длинный, жёлтый, с лёгким изгибом на конце.

Лапы превратились в руки с аккуратными коготками, а за спиной, с тихим шелестом, выросли большие крылья, как у орла, только перья были странного, фиолетового оттенка, которого я никогда раньше не видела у птиц.

Ой.

Я, кажется, что-то напутала. Или не рассчитала дозу радужной магии, или неправильно поняла, во что он должен превращаться — но результат явно отличался от ожидаемого, и я почувствовала, как щёки заливают смущённый румянец.

— Что-то пошло не так, — разочарованно сказала я, опуская руки и делая шаг назад, чтобы получше рассмотреть плоды своего колдовства. — Извини, пожалуйста, я, кажется, перепутала заклинания

Эрл оглядел себя — покрутил головой, пошевелил крыльями, пощупал клюв, — и вдруг его лицо, которое теперь уже совсем не было похоже ни на волка, ни на медведя, засияло.

— Да нет! Всё так! Спасибо! — выдохнул он, и его глаза заблестели. — Я никогда не чувствовал себя лучше! Это именно то, кем я должен был быть всё это время!

Потом он заметил мой озадаченный взгляд и поспешил объяснить, чтобы я не думала, будто окончательно свихнулась и превратила бедного ликантропа в непонятно что:

— Просто я полугрифон! Понимаешь? Я застрял в ликантропической форме из-за проклятия, а ты меня расколдовала!

Полугрифон. Я никогда не видела и не слышала про эту расу. У Эрла были большие зелёные глаза, почти человеческие, с длинными ресницами, острый длинный клюв и смешная львиная грива на голове. А всё остальное, не считая когтей на руках и крыльев за спиной, было вполне человеческим — стройная фигура, длинные ноги.

— Я никогда не видела полугрифонов! — восторженно сказала я, разглядывая Эрла со всех сторон, как редкую диковинную зверушку на ярмарке чудес. — Вы редкий вид, да? Наверное, вас осталось совсем немного?

Эрл вздохнул, и в этом вздохе слышалась тоска.

— Ныне да, — сказал он тихо, и его зелёные глаза затуманились. — Сейчас мало встретишь представителей других рас, особенно созданных магическим путём, как наша. Полугрифонов осталось, наверное, с десятков на весь мир, и мы прячемся, где можем. Но сегодня, благодаря тебе я снова могу летать. Спасибо тебе, паладин Радуги.

— Радуга всегда поможет, — с гордостью ответила я, расправив плечи.

— Паладин радуги, — Эрл склонил голову набок, и его клюв блеснул в лучах солнца, пробивающихся сквозь мёртвые ветви деревьев, — куда-то направляется?

О! Точно! Я же иду в королевство кентавров!

— Да! — выпалила я, снова хватая «Светлячка» и перекидывая его на плечо. — Я иду в королевство кентавров, а потом на утёс гарпий, чтобы найти Лабиринт Истины.

— А Лабиринт Истины находится именно там? — поинтересовался полугрифон, и в его зелёных глазах мелькнуло что-то похожее на скептицизм, смешанный с любопытством.

— Я не знаю, — честно призналась я. Совсем не знаю. Если его там не будет, тогда поищу где-нибудь ещё. Мир большой, а Лабиринт один — где-то да найдётся.

— Ну, — Эрл развёл руками, и его крылья слегка приподнялись в полужесте, полувзмахе, — я, к сожалению, не подскажу. Ни про Лабиринт, ни про утёс гарпий, ни про кентавров. Но удачи тебе, паладин.

Он взмахнул крыльями и исчез в вышине.

Я посмотрела высоко в небо, провожая его взглядом. Поправила своё розовое платье и отправилась дальше.

Радуга — штука сильная, она обязательно добьётся своего.

Глава 12. Серая пустошь

Уходя дальше на юг, мёртвые и не очень деревья понемногу расступились, будто не хотели больше меня задерживать, и наконец обнажили вид на бескрайнюю серую пустошь. Она простиралась до самого горизонта, унылая и плоская.

Уходя дальше на юг, мёртвые и не очень деревья понемногу расступились, будто не хотели больше меня задерживать, и наконец обнажили вид на бескрайнюю серую пустошь. Она простиралась до самого горизонта, унылая и плоская.

Я забралась на большой камень, обросший каким-то чахлым мхом, и огляделась, приставив руку ко лбу козырьком.

Впереди была только скучная пустошь — ни тебе весёлых зелёных лужаек, ни резвых ручейков. Серая пыль, редкие кустики колючей травы — и огромная скала, торчащая на горизонте как исполинский зуб, выбитый в драке великаном у древнего дракона.

Ага! Я прищурилась ещё сильнее и сквозь марево пустынного воздуха разглядела вдали что-то похожее на небольшие грязно-серые шатры. Рядом с ними чадил костёр, и вокруг суетились какие-то маленькие фигурки с копьями и топорами.

Кентавры! Они были какими-то маленькими — кентаврики! Бегают себе по пустоши, плят копытцами, машут своим оружием — наверное, тренируются или патрулируют границы. Я определённно на правильном пути.

Тут я почувствовала, как кто-то подкрался со спины с самыми недобрыми намерениями.

Вжух! «Светлячок», верный и быстрый, описал в воздухе плавную дугу и заблокировал острое жало, летящее прямо мне в спину. Раздался лёгкий металлический звон, от которого у меня заложило уши. Я резко обернулась и увидела крупного зелёного скорпида — размером с большую собаку, с хитиновым панцирем, блестящим на солнце, и с поднятым хвостом, на конце которого всё ещё пульсировала капля яда.

Ну что за коварство! Никакой чести у этих скорпидов, совсем никакого понятия о честном бое. Я развернулась всем корпусом, сделала шаг вперёд и ударила тварь мечом плашмя — прямо по голове, вернее, по тому месту, где голова соединялась с туловищем. В общем, приложила как следует по всему скорпиду сразу.

— Ты плохой скорпид! — начала отчитывать я его строгим голосом. — Нападать со спины могут лишь подлецы, у которых нет ни силы, ни смелости смотреть врагу в глаза. Или дерись честно, или беги прочь, пока цел!

Скорпид взвизгнул — оказывается, они так умеют, — и звук был похож на угрожающее стрекотание кузнечика, только в десять раз громче и противнее.

— Ну ты сам напросился, — сказала я и, не дожидаясь, пока скорпид соберётся с силами для новой атаки, вонзила в него «Светлячка» по самую рукоять. Меч вошёл в хитиновую плоть с хрустом сухой ветки, и скорпид забился в предсмертных судорогах, царапая когтистыми лапами серую землю. Через секунду он затих навсегда.

Что я хотела сделать? Точно, кентаврики! Я поправила розовое платье, закинула «Светлячка» на плечо и зашагала широким, уверенным шагом к лагерю маленьких существ, которые маячили на горизонте.

Я всё шла и шла, а кентаврики тем временем становились всё больше, крупнее и явно опаснее, чем мне показалось сначала. Видимо, расстояние сыграло со мной злую шутку, уменьшив их до размеров безобидных пони, тогда как на самом деле они были настоящими боевыми конями.

Только кони были с человеческими торсами и грозным выражением лица.

Два здоровенных кентавра, мускулистые, покрытые татуировками и боевыми шрамами, разделявали подвешенную на треноге тушу песчаного червя с сегментированным телом и кучей противных челюстей, которые всё ещё клацали в предсмертной агонии.

Фу, гадость! Я поморщилась от отвращения, но продолжала идти, стараясь не смотреть на то, как из червя течёт какая-то белесая, тягучая жидкость, смешиваясь с серой пылью пустоши в малоприятную жижу.

Кентавры оказались ещё более впечатляющими вблизи: головы у них были обриты, лишь на затылках оставались длинные чёрные хвосты грубых, жёстких волос, похожие на конские хвосты, только заплетённые в тугие косы.

Я подошла почти вплотную и вежливо откашлялась, чтобы привлечь их внимание. Кажется, они были так увлечены разделкой червя, что совершенно не замечали шагающую к ним через пустошь розовую меня с двуручным мечом на плече.

— Уважаемые кентаврики, — сказала я, не обращая внимания на то, что один из них опустил топор, а второй удивлённо открыл рот, так и не закрыв его. — Меня зовут Эф, я паладин радуги. И я ищу Лабиринт Истины. Не подскажете, как пройти?

Я попыталась объяснить всё мирно и вежливо, но один из них, не дослушав до конца, начал размахивать своим топором прямо у меня перед лицом. Он выписывал в воздухе такие замысловатые дуги, что я была вынуждена уворачиваться как могла. А я, надо сказать, могла уворачиваться не просто хорошо, а просто блестяще. Каждое движение кентавра казалось мне замедленным и почти предсказуемым.

Второй кентавр, который сначала смотрел на меня с открытым ртом, видимо, наконец преодолел своё оцепенение, закрыл рот и тоже включился в процесс, начав тыкать в меня длинным копьём с широким наконечником.

Какие же они грубияны, эти кентавры!

— Кентаврики, — сказала я, уворачиваясь от очередного выпада копьём, которое прошло в сантиметре от моего плеча, — милые! Я иду мимо, совсем не к вам!

— Мне просто нужна дорога к утёсу гарпий! — продолжила я, уклоняясь от топора. — Я не собираюсь вас грабить, убивать или занимать ваши шатры!

— Аааарррр! — орал один кентавр, продолжая размахивать топором с неиссякаемой энергией.

— Рааааарррр! — вторил ему второй, тыкая копьём с упорством, достойным лучшего применения.

Уворачиваться от ударов двух разъярённых кентавров — это не то же самое, что уворачиваться от трёх кентавров. Легче на одного кентавра.

К сожалению, мои размышления о математике прервались, когда на шум из шатра вышла кентавриха. Высокая, статная, с длинными пышными чёрными волосами, которые струились до самой поясицы. В руках она держала внушительный серп, лезвие которого тускло блестело в свете догорающего костра.

Она посмотрела на то, как я ловко уворачиваюсь от ударов её соплеменников, оценила ситуацию и решила вмешаться. Но, к моему глубочайшему сожалению и лёгкому разочарованию, решила помочь не мне, а кентаврам.

Теперь я уворачивалась уже от трёх видов оружия одновременно.

И вот уже минут пятнадцать, если не больше, я уворачиваюсь от трёх разъярённых кентавров, которые с каждой минутой становятся всё злее и всё увереннее в своих силах. Я уклоняюсь, парирую, отхожу назад, делаю ложные выпады, но ни разу не контратакую.

Кентавры — это ведь тоже жители этого мира. А вдруг они, как и полугрифоны, вымирающий вид? Если я сейчас убью одного, а тем более двух или трёх, то популяция кентавров сократится ещё сильнее, а я этого допустить не могу.

У них же, наверное, есть маленькие дети — кентаврики-пони или как там называются их дети, — которые будут расти без отцов только потому, что я не смогла найти другой способ договориться.

Я продолжала уворачиваться, терпеливо и аккуратно, и ждала, когда же эти огромные, мускулистые воины наконец выдохнутся и согласятся на диалог.

Глава 13. Ворота

И вот они наконец-то устали.

Один из них стоял, облокотившись на своё копьё, тяжело дыша и вытирая пот со лба тыльной стороной руки. Второй был красным, как помидор, и, кажется, готов был рухнуть на землю прямо здесь и сейчас. А кентавриха стояла, опустив серп, и злобно смотрела на меня, но в её взгляде уже не было той агрессии, что в начале, — скорее усталое недоумение: кто эта странная розовая, которая не нападает, но и не даёт себя убить?

А я не устала! Моя радужная выносливость выдержала бы ещё одного или двух кентавриков. Может, даже и больше, но не было возможности проверить.

— Уважаемые кентаврики, — сказала я, выдержав паузу, а затем воткнула «Светлячка» клинком в серую, потрескавшуюся землю, показывая, что угрозы с моей стороны больше нет и можно спокойно поговорить. — Теперь, когда вы готовы меня слушать, ответьте мне, пожалуйста, как мне добраться до утёса гарпий? Мне очень нужно, это важное паладинское дело, и я не хочу больше никого беспокоить.

Тяжело дыша, кентавр с топором поднял свободную руку и указал куда-то в сторону скалы, которая возвышалась на горизонте. Там, у самого её основания, виднелось какое-то строение — то ли замок, то ли каменное укрепление с башнями и острым шпилем, уходящим вверх, — и я сразу поняла, что это и есть моя следующая цель.

— Благодарю вас, — я кивнула, сделала аккуратный, почти придворный реверанс. — Больше не смею вас задерживать. Занимайтесь своими кентавровскими делами, а я пойду дальше, своей дорогой.

Я выдернула «Светлячка» из земли, сделала полный оборот вокруг своей оси, так что подол розового платья взметнулся вверх, обнажая ноги, и в этом красивом, почти танцевальном движении плавно закинула меч на плечо — пусть видят, что радуга уходит красиво, даже если её никто не провожает аплодисментами.

— Всего вам хорошего, — попрощалась я и зашагала в сторону скалы.

Я старалась держать спину ровно, а походку лёгкой и непринуждённой, как будто только что не пятнадцать минут уворачивалась от трёх вооружённых кентавров, а просто совершала утреннюю прогулку по цветущему лугу.

Меня провожали три пары уставших глаз. В них читалось желание, чтобы эта розовая напасть наконец убралась и больше никогда не возвращалась.

Вежливость — это оружие, которое может победить всё что угодно. Ну, а если вежливость не помогает, то всегда есть «Светлячок» — надёжный, верный и всегда готовый поддержать в трудную минуту.

Солнце опускалось за горизонт, окрашивая серую пустошь в багровые, почти кровавые тона, когда я наконец дошла до массивных деревянных врат. Это был какой-то каменный замок у основания скалы.

По пути мне встретились ещё один скорпид, пара песчаных червей, которые выползли из-под земли и угрожающе щёлкали челюстями, и ещё один скорпид — поменьше, но с очень противным, пронзительным стрекотом. Суровые края тут, ничего не скажешь. Отряхивая платье от пыли и песка, я думала: все какие-то недружелюбные, агрессивные, совсем не расположенные к вежливым беседам и мирному сосуществованию.

Бум! Я стукнула кулаком по двери.

Спят, что ли, уже? В такое-то время?

Бум! Я стукнула ещё раз, на этот раз сильнее, и дверь жалобно загудела, будто я ударила не по дереву, а по живому существу, которое вот-вот заплачет.

Окошко в массивных воротах открылось с протяжным скрипом, и на меня кто-то угрюмо посмотрел оттуда двумя маленькими, колючими глазками. Я подняла голову и заметила, что окошко находится где-то на высоте трёх метров. Это очень высоко для нормального человеческого роста. Кто смотрит на меня, либо очень высокий сам по себе, либо ходит на ходулях.

— Кто такая? — спросил низкий голос из-за двери. Грубая официальная необходимость идентифицировать незваную гостью, чтобы потом решить — впускать её или гнать прочь.

— Я Эф! — я сделала реверанс прямо перед дверью, на всякий случай, чтобы показать свою воспитанность и хорошие манеры. — Паладин радуги. Я несу свет, добро и разрушение!

Про разрушение, наверное, это я зря. Подумают ещё, что я только разрушать всё и умею, а на самом деле я ещё и строить могу, и лечить, и даже готовить, если понадобится.

— Ктооооо? — переспросил голос, растягивая гласные так, будто проверял моё терпение на прочность. Он явно не понимал, кто стоит перед дверью, и, кажется, не очень хотел разбираться, потому что ему было просто лень.

— Эф! Паладин радуги! — повторила я, стараясь говорить громко и чётко. — Мне надо на утёс гарпий! Я ищу Лабиринт Истины! Если вы знаете дорогу, пожалуйста, подскажите, я очень тороплюсь!

— Надо на утёс — ползи по скале, — грубо ответил голос, и окошко с громким стуком закрылось, оставляя меня одну перед массивными воротами, погружёнными в сумерки.

Я посмотрела на высокую и крутую скалу с острыми выступами и глубокими трещинами. Сколько же времени уйдёт на то, чтобы одолеть этот путь? Долго, очень долго. Ползти вверх неудобно, и вообще это явно не самый лучший способ добраться до гарпий. Есть же какой-то другой путь — не такой варварский и не такой опасный! Те, кто прячутся за дверью, явно знают другой путь, но не горят желанием помогать случайным путникам в розовых платьях.

Я ударила кулаком по двери, вложив в этот удар всю свою радужную решимость и капельку раздражения. Какая-то часть массивной деревянной створки разлетелась на щепки, пропуская мой кулак внутрь, и в воротах образовалась аккуратная дырка размером как раз с мой кулак.

В эту дырку можно было заглянуть, и я, конечно же, заглянула.

За воротами открывался вид на внутренний двор. Мощёный, ухоженный, с аккуратными домиками из тёсаного камня и широкой дорогой, уходящей куда-то вглубь скалы.

А ещё там были Минотавры. Огромные, с бычьими головами и мощными телами, покрытыми шерстью и старыми шрамами. Они стояли и смотрели на дырку в воротах с таким выражением, будто я только что совершила нечто неслыханное.

Я ударила ещё раз, расширив дыру до размеров моей головы, и осторожно просунула её внутрь.

— Привет! — дружелюбно сказала я, широко улыбаясь. — Впустите меня? Мне очень нужно пройти, я всего лишь транзитом, честное слово!

На меня удивлённо смотрел здоровенный Минотавр — самый крупный из всех, с золотым кольцом в носу и огромным двуручным топором за спиной. Он моргнул два раза, потом открыл рот, чтобы что-то сказать, но не сказал. Похоже, он не нашёл подходящих слов для такой странной ситуации.

— Мне надо на утёс, — пояснила я, на всякий случай, чтобы они не думали, будто я пришла захватывать их город или требовать выкуп. — Мне просто пройти. К гарпиям. Знаете таких, с крыльями и когтями? Я к ним. Ненадолго. Пустите, а?

— Всю? — глупо переспросил здоровенный Минотавр, и его маленькие глазки округлились от такого неожиданного требования.

Я, наверное, была не совсем точна в своих просьбах. Или, возможно, Минотавры привыкли понимать всё буквально.

— Да, — я широко улыбалась ему. — Вся Эф хочет на утёс гарпий. Целиком. Не только голова.

Минотавр наконец опомнился, перестал сверлить меня своими крошечными глазками и даже слегка покачнулся, осознав всю сложность принятия решения в такой нестандартной ситуации. Его глазки забегали влево, вправо, вверх и вниз, будто он читал невидимую инструкцию, высеченную прямо в воздухе, и явно соображал, что же делать.

— Подожди минутку, я сейчас, — сказал он, развернулся и тяжело зашагал прочь, удаляясь куда-то далеко за домики, вглубь Минотаврского поселения.

— Вот прям так? С головой в воротах? — уточнила я вслед уходящему Минотавру, но он, кажется, уже меня не слушал — его массивная фигура скрылась за углом первого каменного дома, и только тяжёлый топот копыт долго ещё разносился по двору, затихая в отдалении.

Другие Минотавры тем временем не расходились, не уходили по своим делам, а продолжали стоять и наблюдали за мной с огромным, почти детским интересом. Они ничего не пытались сделать — не угрожали, не ругались, не прогоняли — только перешёптывались между собой и указывали на мою голову толстыми пальцами, обсуждая, наверное, мои синие волосы.

Глава 14. Ман-Тор

Меня впустили в крепость!

Видимо, тот здоровенный минотавр, который уходил за подмогой, всё-таки доложил начальству. Похоже, что они решили, что лучше пустить странную гостью внутрь, чем оставлять её с головой, торчащей в дыре, где она может наделать ещё больше проблем.

Меня проводили в огромный мрачный зал с колоннами из чёрного камня и факелами, которые тускло освещали стены, украшенные трофеями и древними знамёнами.

В центре зала, на большом резном стуле, который больше походил на трон, сидел минотавр. Минотавр был не просто здоровенный, а огромный, как гора, с мощными плечами и головой, украшенной массивными, загнутыми назад рогами. Он опирался на двуручный топор, лезвие которого тускло поблёскивало в свете факелов. Его красные пылающие глаза смотрели на меня. В них горел огонь — не то гнева, не то любопытства.

Минотавр медленно поднялся со своего трона, и я поняла, что сидя он казался большим, а стоя стал похож на огромную сторожевую башню. Башню с рогами, топором и мышцами, которые перекачивались под шерстью при каждом движении. Я задрала голову вверх, чтобы разглядеть его лицо, и даже встав на цыпочки едва доставала до его пояса.

— Фыр! — раздалось откуда-то сверху, и я поняла, что это минотавр выразил своё отношение к моему появлению.

Я улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка выглядела дружелюбной, и сделала реверанс — насколько это вообще возможно, когда перед тобой стоит трёхметровое чудовище с топором.

— Эф! Паладин радуги, — представилась я. — Проходила мимо ваших владений, иду на утёс гарпий. Не хотела причинять беспокойства, честное слово!

— Фыр! — повторил минотавр, и на этот раз в его фыркание послышалось что-то похожее на удивление, смешанное с недоверием.

Он расправил плечи, отчего стал ещё шире, а потом неожиданно опустился на одно колено, чтобы рассмотреть меня поближе. Его красные глаза оказались на уровне моих, и я смогла разглядеть в них не только огонь, но и искру живого любопытства.

— Так это ты, маленькая нарушительница моих владений? — спросил он, и в его голосе послышалась усмешка. — Та самая, которая пробила дыру в воротах, построенных моим дедом?

А потом он разразился раскатистым хохотом, от которого стены зала начали дрожать, а с колонн посыпалась вековая пыль. Я нервно огляделась по сторонам, проверяя, не падают ли колонны, не проваливается ли пол, не рухнет ли потолок — вроде всё было сделано на совесть, и ни одна каменная глыба не обрушилась на наши головы. Что не могло не радовать.

— Я Ман-Тор! — громогласно провозгласил минотавр, выпрямляясь во весь свой исполинский рост. — Лидер минотавров! И ты, деточка, только что сломала ворота в мои владения. Не посоветовавшись, не попросив разрешения, даже не постучавшись как следует!

Я сделала самое грустное лицо, на которое была способна, и начала вытирать пыль одной ногой, всем своим видом показывая, что глубоко раскаиваюсь в содеянном и готова нести ответственность за свои поступки.

Но, честно говоря, я думала про себя, что и они, конечно, молодцы: взяли и перед радугой ворота поставили, а потом удивляются, что их ломают. Ломать чужие ворота без спроса, конечно, некрасиво, и я это признавала, но с другой стороны — кто ж знал, что они такие хрупкие?

— Я исправлюсь, — ответила я честно, поднимая глаза на Ман-Тора. — Я больше не буду ломать ворота! Честное паладинское! Можете на меня положиться.

— Фыр! — снова раздалось сверху, но на этот раз в этом звуке не было угрозы, только размышление.

Минотавр не злился — это было видно по его расслабленной позе и лёгкой усмешке, которая играла на его бычьих губах. Но и оставлять это просто так он не хотел: что подумает о нём его народ, если простая девчонка в розовом платье разнесёт его ворота и уйдёт безнаказанной? Прогнулся под розовое платьице? Не хотелось причинять вред репутации лидера минотавров, и я его прекрасно понимала.

— Быть может — начала было я, не зная, какую цену запросит Ман-Тор за свой гнев.

— Может, — кивнул Ман-Тор, и его глаза блеснули в предвкушении.

— Я смогу — продолжила я, чувствуя, что диалог куда-то катится не туда, но остановиться уже было нельзя.

— Сможешь, — подтвердил Ман-Тор, и его голос стал почти ласковым.

— Загладить свою вину? — наконец выдохнула я, надеясь на что-то простое, например на починку ворот или, может быть, на пару мешков зерна.

— Конечно! — обрадованно заорал минотавр, и этот крик был такой силы, что у меня заложило уши. Он засиял, как ребёнок, которому пообещали новую игрушку, и я поняла, что он уже отчаялся услышать от меня это предложение.

— Я могу почини — начала было я, но меня оборвали на полуслове.

— Поединок! — рявкнул лидер минотавров, и его голос разнёсся по залу, как раскат грома. — Сегодня вечером! С моим сыном! Победишь — иди куда хочешь, проиграешь — починишь ворота и будешь моей личной горничной на неделю!

Я открыла рот и закрыла его, потому что возразить было нечего. Ну вот, опять драться. Только что отбилась от кентавров, теперь минотавры — один поединок, и всё, теперь это стандартная плата за проход через чужие территории. Интересно, если я когда-нибудь захочу просто прогуляться по цветущему лугу, мне тоже придётся с кем-то драться? С бабочками, например? Или с ёжиками?

— Но мне надо спешить к гарпиям! — возразила я, пытаюсь своей самой убедительной улыбкой смягчить сердце сурового лидера. — У меня важное дело, Лабиринт Истины, судьба мира, вы понимаете?

— Успеешь, — спокойно ответил Ман-Тор, усаживаясь обратно на свой трон и кладя топор на колени. — Один поединочек — и к гарпиям. Солнце ещё не встанет, а ты уже будешь на утёсе. Если, конечно, победишь.

Глава 15. Арена Минотавров

Прямоугольная арена для сражений была выложена тёмным, почти чёрным камнем, который тускло поблёскивал в свете множества факелов, расставленных по периметру. Огни плясали на лицах минотавров, их рога отбрасывали длинные, чудовищные тени на стены, а воздух дрожал от непрекращающегося рёва. Огромные, мускулистые создания топали копытами, били себя в грудь мощными кулаками и сотрясали трибуны оглушительными криками, требуя крови, зрелищ и, кажется, небольшого землетрясения для полноты картины.

Я стояла в одном углу арены, небрежно перекинув «Светлячка» через плечо, и чувствовала себя маленькой розовой пылинкой посреди бури. Какие же они все большие, эти минотавры — даже самые низкорослые из них возвышались надо мной на голову, а уж те, кто потяжелее, и вовсе заслоняли свет факелов своими могучими плечищами.

Я была восхищена! Много жителей этого места пришли посмотреть, как я, паладин радуги, буду задавать трепку сыну их вождя. Целая толпа рогатых минотавров с интересом разглядывали меня, перешёптываясь и тыкая пальцами в моё розовое платье.

В другом углу арены, на противоположной стороне, стоял сын могучего Ман-Тора, чьё имя, как мне сообщили перед началом, было не менее могучее — Дан-Дан. Он был точной копией отца, только помоложе и, пожалуй, даже шире в плечах, что казалось совершенно невозможным, пока я не увидела его своими глазами.

Дан-Дан свирепо кричал, раззадоривая толпу, и его низкий, раскатистый рёв перекрывал даже шум трибун, заставляя стены содрогаться в унисон. Он высоко поднимал над головой огромный боевой молот, крутил им, как пропеллером, выписывая в воздухе замысловатые восьмёрки. На боках молота, в бликах факельного огня, можно было разглядеть затейливую вязь — какие-то руны, выгравированные прямо по металлу. Но с такого расстояния, да ещё при таком освещении, разобрать их было решительно невозможно.

Зазвенел гонг, и сражение началось!

Тяжело, но быстро шагая, Дан-Дан сокращал расстояние между нами, и каждый его шаг отдавался в каменном полу арены глухим, пугающим топотом.

Сердце моё замерло — ну, или почти замерло. Радуга не привыкла пасовать перед трудностями. Я в это время перенесла вес на одну ногу, слегка согнув колени, в ожидании атаки, внимательно следя за каждым движением огромного молота, готового обрушиться на мою синюю голову в любой момент.

Удар молота прошёл в критической близости от моего лица. Я почувствовала, как воздух свистит, рассекаемый тяжёлым металлом. На одно короткое, как выдох, мгновение мне удалось разглядеть руны, выгравированные на плоской стороне оружия.

«Насилие и Жестокость».

Отлично! Я улыбнулась и в следующее мгновение, пока Дан-Дан пытался вытащить молот из пролома, который он только что оставил в каменном полу там, где я только что стояла, юрко прошмыгнула у него под ногами, проскользнув между его могучих копыт, и оказалась у него за спиной.

Что же написано с другой стороны молота? Мне было очень интересно, потому что если на одной стороне красовались такие мрачные надписи, то на другой, по логике вещей, должно было быть что-то более позитивное. Может быть, «Доброта» или «Вежливость», или хотя бы «Уважение к чужим воротам». Но с моей позиции, находясь прямо за широкой спиной минотавра, разглядеть что-либо было совершенно невозможно, сколько ни шурься.

Дан-Дан развернулся с удивительной для таких габаритов скоростью и принялся методично бить молотом по тем местам, где мгновение назад была я. Его удары оставляли в каменном полу глубокие трещины и выбоины, от которых по всей арене разлетались острые осколки.

Я отскакивала от каждого удара, уворачиваясь и отпрыгивая, но так и не могла разглядеть, что же написано с другой стороны молота. Дан-Дан крутил своё оружие с такой скоростью, что надписи сливались в одно сплошное, нечитаемое пятно.

Видит Мерлин, я старалась! Я прыгала, вертелась и даже один раз сделала кульбит, пытаюсь заглянуть под нужным углом, но интерес пересилил здравый смысл, и я приняла решение, которое в обычной ситуации назвала бы безумным.

От следующего удара я не стала уворачиваться — вместо этого я просто схватила молот свободной рукой, когда он пролетал мимо, и крутанула его в сторону, вкладывая в это движение всю свою радужную силу и немного хитрой механики.

Дан-Дан, не ожидавший такого от девушки в розовом платье, выпустил оружие из рук, и молот, описав дугу, с глухим стуком упал на каменный пол. Я успела прочитать надпись на второй стороне.

«Сила и могущество».

Разочаровательно!

Никакой поэзии, никакой тайны — просто банальная, примитивная самореклама, которую мог бы нацарапать на своём оружии любой начинающий герой без капли воображения.

Дан-Дан замер. Публика замерла. Тишина опустилась на арену. Стало слышно, как потрескивают факелы в своих железных держателях. Все уставились на паладина в розовом платье, который отобрал молот у могучего минотавра и теперь стоял посреди арены с видом человека, который только что сделал что-то совершенно обыденное и даже не собирается этим хвастаться.

Тут, как будто специально, чтобы не дать мне насладиться моментом, начало происходить неестественное.

На арене вспыхнул яркий, ослепительно-белый свет, и в этом свете возникли два скелета — один с ржавым мечом, другой с лысым, покрытым трещинами черепом в костлявой руке.

Это что ещё за гости? Неужели армия тьмы решила вмешаться в честный поединок, чтобы помешать мне достичь сначала победы над минотавром, потом восхождения к утёсу гарпий, а затем и самого Лабиринта Истины?

Это было коварно с их стороны, очень коварно и совершенно неспортивно.

Даже не взглянув на Дан-Дана, который всё ещё стоял с открытым ртом и непонимающим взглядом, я ринулась в атаку на скелетов.

«Светлячок» взвизгнул — пронзительно и радостно, — и разрубил надвое того, что стоял с мечом. Клинок прошёл вдоль — от черепа по позвоночнику и прямо до таза, — на две совершенно одинаковые, ровные половинки, которые с противным хрустом развалились в разные стороны.

Я очень точная, когда хочу, и «Светлячок» знает своё дело, так что никто не мог упрекнуть меня в недостатке мастерства.

Ой! Я увернулась в самый последний момент, и лысый череп, который второй скелет запустил в меня, пролетел мимо, едва не задев моё ухо. Ну, он зря, конечно, — бросаться в меня чужими головами.

Я одним прыжком преодолела разделявшее нас расстояние и ударила скелета рукоятью «Светлячка» по его лысой, покрытой трещинами макушке так сильно, что он в буквальном смысле рассыпался на отдельные косточки.

— Ну вот! Другое дело! — успела сказать я, выпрямляясь и отряхивая руки, но радоваться было рано, потому что из белого света начали появляться новые скелеты — один за другим.

Их было десять. Десять скелетов с ржавым оружием, пустыми глазницами и явным намерением испортить мне вечер. Среди этого костяного воинства затесалось какое-то странное

шестирукое существо, которое держало по кривому мечу в каждой из своих рук. Руки двигались с такой скоростью, что мечи сливались в сплошное серебристое мерцание.

Тут зрители, которые ещё минуту назад с интересом следили за моим поединком с Дан-Даном, начали орать. Кто-то бросился в панике врассыпную, расталкивая соседней могучими плечами; кто-то, напротив, достал оружие и с боевым кличем пошёл в атаку на скелетов, рубя их направо и налево. Началась настоящая неразбериха — крики, звон металла, топот копыт и хруст костей смешались в один оглушительный, хаотичный шум.

Я стояла и смотрела, как Дан-Дан, забыв про меня и про наш поединок, дрался с много-руким существом, и это было потрясающе — два гиганта, равные по силе и мастерству, кружили друг вокруг друга, обмениваясь быстрыми, смертоносными ударами.

Шестирукий занёс саблю над головой, целясь прямо в рогатую макушку минотавра, но тот искусно отбил атаку, даже не дрогнув, и ответил своим ударом, от которого противник едва увернулся.

Один из скелетов, видимо, решив, что я слишком долго наслаждаюсь зрелищем и пора бы мне вернуться к бою, начал тыкать в меня своим длинным копьём, целясь то в живот, то в плечо.

«Светлячок» одним точным, выверенным движением разрубил древко копья пополам, а я, не теряя ни секунды, с разворота зарядила скелету ногой прямо в черепушку. Голова, отделившись от позвоночника, улетела в сторону сражающихся минотавров, описав в воздухе красивую, почти параболическую траекторию, и с глухим стуком приземлилась где-то в гуще битвы.

Нельзя отвлекать раду!гу!

Дан-Дан сдавал позиции: его могучие удары становились всё реже, дыхание — тяжелее. Шестирукий противник, напротив, только наседавал, размахивая своими кривыми мечами. Если не вмешаться сейчас, через несколько минут у вождя минотавров не будет сына, а у меня — достойного противника для завершения поединка.

Я улыбнулась и пошла с мечом на плече прямо к шестирукому существу, ступая легко и уверенно, словно собиралась не в гущу битвы, а на прогулку по весеннему саду.

Дан-Дан и его многорукий противник были настолько увлечены боем, что, казалось, совсем меня не замечали — ни один из них даже не повернул голову в мою сторону, и это было даже немного обидно.

— Гм-хм, — решила я привлечь к себе внимание вежливым покашливанием. Врываться в чужой бой без предупреждения — это некультурно. — Можно я тоже поучаствую? Только немножко, совсем чуть-чуть.

— Ну попробуй, — проревел Дан-Дан, едва успевая отражать град ударов, которые сыпались на него со всех сторон.

— Приглашение принято, — ответила я, и в моей улыбке появилось что-то озорное.

Я плюнула на ладонь, крепко перехватила «Светлячка», чувствуя, как его рукоять удобно ложится в руку, и сделала глубокий вдох.

Серия радужных ударов!

Глава 16. Гарпия

После того как минотавры, не без моей помощи, победили внезапное вторжение армии тьмы, они закатали пир на весь замок. Пиво лилось рекой, мёд переливался в кувшинах янтарными боками, на длинных столах дымились салаты из ромашек, которые минотавры, как оказалось, обожали, и других вкусовостей было столько, что глаза разбегались.

Я, конечно, посидела с ними немного, подняла кружку за победу и даже съела пару ромашечных лепестков, но засиживаться не стала, потому что радуга не должна терять время, когда её ждёт Лабиринт Истины. В самый разгар веселья, когда минотавры уже начали петь свои гортанные, низкие песни и хлопать друг друга по спинам, я тихонько выскользнула из приветливой крепости и отправилась по каменистой дороге, которая вела вверх, к утёсу гарпий.

Я поднималась по крутому склону горы всё выше и выше, и с каждым шагом воздух становился всё холоднее, а ветер — всё злее и настойчивее. Солнце давно село, уступив место луне и звёздам, которые тускло освещали мой путь, а здешние обитатели — сонные птицы, свернувшиеся на ветвях чахлых горных деревьев, и маленькие перистые облачка, которые дремали, прилепившись к скалам — спали сладким, безмятежным сном, который я не решилась нарушать.

Но радуге неведома усталость! Я шла дальше, перешагивая через острые камни и карабкаясь по почти отвесным участкам, пока наконец на узкой тропе не встретила гарпию.

Она сидела на выступе, поджав под себя когтистые лапы, и при моём приближении её налитые кровью, безумные глаза уставились на меня с голодной тоской. Тело её было покрыто грязью, перья спутаны и торчали в разные стороны. Когда я увидела, как нервно сжимаются и разжимаются её когти на каменном выступе, то поняла — она видит во мне не случайную путницу, а законный запоздалый ужин, который сам пришёл к ней в лапы.

Гарпия разинула свой рот и противно завизжала. Эхо заметалось по ущелью, умножая её крик на множество жутких отголосков.

— Не кричи, людей разбудишь, — сказала я и, подумав секунду, добавила: — Ну и не людей тоже. Что ты орёшь, как потерпевшая?

Гарпия, не оценив моего дружелюбного тона, угрожающе взметнулась в воздух и полетела прямо на меня, широко растопырив свои грязные когтистые лапы. Я ловко увернулась в последний момент, сделав резкий шаг в сторону, так что её когти лишь царапнули воздух там, где секунду назад было моё розовое платье.

От досады и голодного разочарования она снова разинула свою пасть, собираясь завизжать ещё громче. Я быстрым движением залепила ей рот ладонью, так сильно, что звук затих где-то у неё в горле, превратившись в приглушённое, обиженное клокотание.

— Не надо так, — приговаривала я, прижимая ладонь ещё сильнее. Гарпия отчаянно вырывалась, била крыльями по воздуху, пыталась царапнуть меня когтями. Но я не отпускала, держа её мёртвой хваткой за скулы и крепко зажимая ей рот. — Не надо орать, не надо нападать, не надо видеть во мне ужин.

Наконец она выбилась из сил — крылья обвисли, когти бессильно сжались. Я ослабила хватку, отпуская её покрытую грязью голову. Гарпия отшатнулась на шаг, отдышалась и уставилась на меня.

— Ты чё кричишь? — спросила я.

— А мне нравится кричать, — ответила гарпия, и в её голосе прозвучала искренняя простота. — Я кричу, когда хочу есть, когда хочу пить, когда мне скучно, когда весело, когда страшно, когда никто не прилетает меня навестить. Мне просто нравится кричать.

— Понятно, — сказала я и задумчиво опустила «Светлячка» на землю, прислонив его к своему бедру. — А ты не пробовала улыбаться?

— Что? — гарпия вытаращила на меня свои красные глаза.

— Вот так, — я улыбнулась во все щёки, демонстрируя ей свои тридцать два зуба.

— Но зачем? — гарпия недоумевала, склонив голову набок, и в её голосе послышалось искреннее, глубокое непонимание. — Зачем улыбаться, когда можно кричать? Улыбка не летит далеко, как крик. Улыбку не услышат на соседней скале. Улыбка не прогонит одиночество.

— А ты одинока? — спросила я.

Этот простой вопрос повис в холодном горном воздухе между нами.

— Нас много на утёсе, — с грустью произнесла гарпия, и глаза её вдруг стали совсем печальными. — Но каждая из нас одинока. Мы живём рядом, но не вместе. Каждая — сама по себе, потому что мы разучились быть вместе. Мы только кричим, но не слышим друг друга.

— О! — я подняла палец вверх, торжественно и немного театрально, будто собиралась объявить великую истину. — Так лети к минотаврам! Они сейчас празднуют великую победу над армией тьмы — там весело, шумно и совсем не скучно.

— А что я там буду делать? — неуверенно спросила гарпия, и в её голосе проскользнула надежда, смешанная со страхом перед чем-то новым и непривычным.

— Кричать, как и они, — сообщила я, улыбаясь во весь рот. — А потом, когда накричитесь, немного улыбаться. Улыбка бывает заразительной. Попробуй. А завтра расскажешь мне, как прошло.

Гарпия посмотрела на меня недоверчиво, потом скривила свой рот в странном, непривычном для неё движении. Это было похоже на гримасу боли, но я поняла, что она пытается улыбнуться.

— Ничего, — сказала я мягко. — Практикуйся, и скоро ты уже будешь улыбаться как настоящая звезда вечеринок.

Гарпия кивнула, и в её глазах вдруг мелькнуло что-то тёплое, почти благодарное. Мы распрощались — я помахала ей рукой, а она, неловко взмахнув крыльями, оторвалась от скалы и полетела в сторону крепости минотавров, откуда всё ещё доносились отголоски пиршества.

— Ну что, Светлячок, — сказала я, закидывая меч на плечо привычным, отработанным движением. — Кажется, радуга любого может заставить улыбаться.

Я задрала голову вверх, туда, где в темноте терялись очертания скалы и где, наверное, на самой вершине меня ждал Лабиринт Истины.

Что ж, тут ещё подниматься и подниматься.

В чью гениальную голову закралась мысль спрятать Лабиринт Истины на вершине утёса? Видимо, этот кто-то очень любил здоровый образ жизни и не любил паладинов в розовых платьях. Я прошла полмира и теперь вынуждена карабкаться по скалам в кромешной тьме, рискуя свалиться и разбиться в лепёшку, так и не узнав, что же такое эта самая истина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.